

Олег Лукошин

СЛЕПЫЕ

Олег Лукошин

Слепые

«Издательские решения»

Лукошин О.

Слепые / О. Лукошин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857362-0

Миром правит шансон! «Кольщик, накопи мне купола-а-а...» Новый роман Олега Лукошина «Слепые» — это баллада о стремительном и трагичном восхождении к популярности провинциального ансамбля. Баллада криминальная и жестокая, как вся наша действительность. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-857362-0

© Лукошин О.
© Издательские решения

Содержание

И одноглазый – король	6
Вокально-инструментально	15
Дебют в «Тройке»	22
Матрица открывает шёлку	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Слепые

Олег Лукошин

*Some are born to sweet delight
Some are born to endless night.
William Blake*

© Олег Лукошин, 2019

ISBN 978-5-4485-7362-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

И одноглазый – король

На самом деле Саша Макаров слепым не был. И в председатели нашего районного общества незрячих он попал совершенно случайно. Это если трактовать события банально. Хотя кому, как не мне, известно, что никаких случайностей в этой жизни не бывает. Но, положив руку на сердце... По духу, по энергетике, по образу жизни, в конце концов – разве походил он на инвалида?

Я это не к тому, что был против его назначения. Как раз таки наоборот. Предыдущих председателей – сколько их сменилось за все это время? – даже и не помнил. Многих по имени не знал. Многих и в лицо не слышал. Годами в обществе не появлялся – что там, собственно, делать? Библиотека там слабенькая, почти все книги дома есть, благодаря сердобольной матушке. Да и, честно говоря, не большой я любитель пальцами по этим выступам и дырочкам шарить. В детстве, когда к знаниям тянулся, к человечеству благословенному, на что-то там рассчитывал в будущем – то да, уйму их перечитал. А в последние годы не тянет. На компьютере «говорилка» есть, да и аудиокниг полно. Хотя и их давно не слушал. А просто так «пообщаться» – то это совсем не моё. Не то чтобы слепые жаловаться любят, они как раз в основном бодрячком держатся и в большинстве своём товарищи юморные, но юмор всё равно у них какой-то специфический, инвалидный. Через призму уродства. Я не стесняюсь называть это уродством, потому что привык смотреть правде в глаза (ничего шуточка, да!) и никогда себя не обманывал. Да, я слепой. Я урод. Я отброс общества и совершенно бесполезный индивид.

– Не смей себя так называть! – истерично вопила мать, едва услышав от меня подобные заявления. – Ты такой же, как все! Ты лучше всех!

Ох, сколько я этих воплей пережил! Не столько от слепоты жизнь казалась невыносимой, сколько от них. Только в последние годы, когда мне за тридцать перевалило, всё более-менее устаканилось. Спокойно с ней жить начали. Ну, почти. Потому что снизошло Смирение. Понимание, что ничего уже не изменить. Не исправить.

В общении с себе подобными я никогда не нуждался. А тут вдруг, неожиданно для себя, стал в обществе слепых очень частым гостем. И это после прихода в председательское кресло Макарова.

Человек сам рождает волну, которая движет событиями. Саша – вот кто мог создать вокруг себя такую энергетiku, которая куда-то двигала, звала, подбадривала и возносила. Именно эта несвойственная для наших вялых и апатичных мест энергетика – чудная, окрыляющая – заставила меня буквально влюбиться в этого человека и обрести, ни много ни мало, новый смысл в жизни. Именно этому человеку я обязан настоящим перерождением.

Вряд ли кто-то из знавших Александра Макарова лично мог предположить до достижения им возраста тридцати восьми лет, что он какой-то там инвалид. Он и сам об этом не знал. Ну, обнаружили у него в раннем детстве врождённую миопию высокой степени. Так ведь только на одном глазе! Зато к другому – никаких вопросов. Полноценная единица. Он и очки до шестого класса, когда здоровый глаз стал сдавать, не носил.

– Мать верещала чего-то там, психовала, – рассказывал он. – Но как-то сдержанно, а я всему этому большого значения не придавал. Даже веселило, что я левым глазом только пятна вижу. Никаких проблем в жизни мне это не доставляло, правого глаза хватало на всё.

– В царстве слепых, – помнится, заметил я ему, а было это едва ли при первом нашем знакомстве, когда он сразу же и безоговорочно расположил меня к себе, – и одноглазый – король.

Он громко и искренне рассмеялся. Я тогда очень хорошо почувствовал все эти красивые переливы его смеха. Те смыслы, которые таились в них. Он отреагировал не только на мою смелую и циничную шутку. Он радовался – и я ничуть не сомневаюсь в этом утверждении – что встретил равного себе. Брата по разуму. Такого же провинциального неудачника-интеллектуала, с которым можно поговорить начистоту об искусстве и самой жизни. Который близок тебе в восприятии действительности и живёт теми же переживаниями, что и ты сам. Я буквально почувствовал, как наши энергетические поля отделились от тел, приподнялись над нами на метр и сплелись там, в недалёкой вышине, в дружеских объятиях.

Впервые в жизни я завёл друга.

Одноглазое существование ничуть не помешало Саше посещать и в конце концов благополучно окончить музыкальную школу по классу баяна, всё детство играть за футбольную команду дворового клуба «Спартанец» и даже года полтора позаниматься в местной футбольной ДЮСШ (откуда он ушёл, по его признанию, из-за собственной гордости, обидевшись на тренера, который перестал выпускать его на поле). Кроме футбола Макаров успел походить на баскетбол, самбо, шахматы, настольный теннис (очень недолго, потому что игра эта ему категорически не понравилась), а ещё на всевозможные кружки, вроде радиотехнического и астрономического.

– Где-то справки от докторов не требовали, – рассказывал он, – где-то требовали, но забывали, а где-то я их подделывал. Только на боксе не прокатило. Без справки не брали, а подделывать не получилось. Так и не занимался боксом. Хотя, может, оно и к лучшему.

По-честному же практически ни в одну спортивную секцию медицинские справки получить ему было невозможно. Бдительные советские врачи, едва открыв медицинскую карту Макарова, начинали качать головами, цокать языками и даже размахивать руками.

– С таким зрением – и на футбол?! Ты в своём уме!

Но так как были они в большинстве своём женщинами, то имели свойство сжалиться и... нет, не выписать заветную справку, а поделиться ценным дружеским советом.

– Не на одном футболе свет клином сошёлся, мальчик! Может, тебе на шахматы записаться?

– Да ходил я на ваши шахматы, – гордо отвечал Макаров, выжидая момент, чтобы вытащить из кипы лежащих на столе незаполненных справок одну-единственную. – Ерунда!

Когда-то удавалось слямзить справку, когда-то нет. Его и от физкультуры пытались ограбить и перевести в спецгруппу, где за весь урок три раза приседают и два раза вертят вокруг талии обруч, но он проявил недюжинный характер и от этих поползновений добрых взрослых успешно уклонился.

Других физических недостатков в нём не наблюдалось. Был он высок и крепок, так что никогда и не думал считать себя ограниченным и ущемлённым.

Некоторое принижение самооценки, неизбежное с ухудшением здоровья, случилось с ним лишь когда он вынужден был надеть очки.

Выходец из пролетарской среды, он наперекор своему происхождению, сулившему в самом лучшем случае профессию инженера на местном предприятии, отчаянно тянулся к чему-то более глубокому, чем унылая повседневность, и в школьные годы перечитал уйму книг и пересмотрел такую же уйму фильмов.

Знаю, все в детстве читают и смотрят кино, но мало кто подходит к этому делу системно, ведёт журнал прочитанного и просмотренного, оставляет на бумаге заметки с впечатлениями и оценками. А Макаров страстно занимался этим. Как-то раз Саша показал мне несколько старых и на ощупь сильно обветшалых школьных тетрадей, в которых записывал название книги или фильма, дату прочтения или просмотра и короткую рецензию на произведение. Разуме-

ется, мне пришлось поверить ему на слово, что это именно те самые детские дневники культурных впечатлений, но сомневаться в их подлинности не приходилось. Открыв наугад один из них, Саша не в меру выразительно – видимо, немного стесняясь себя прошлого, глупого и наивного – прочитал мне один из откликов.

«21 октября 1983 года, – так он начинался. – Посмотрел фильм „Семён Дежнёв“. Понравилось, но не очень. Главный герой больших симпатий не вызывает. По фильму получается, что Дежнёв отправился открывать Сибирь не потому, что стремился к этому всем сердцем, а просто чтобы разбогатеть и жениться на дочери купца. Богатые – это омерзительно».

Здесь мы оба не могли не улыбнуться. Однако, горько. И куда же мы потерялись, в какой битве погибли, такие чистые идеалисты, которые считали богатство гадостью и пороком?

Библиотека располагалась в соседнем доме, кинотеатр – на соседней улице. Сашина мама не жалела мелочи на просьбы сына выделить ему денег на кино, а в библиотеке деньги не требовались. В общем, впечатления от прочитанного и просмотренного росли, а зрение ухудшалось. Единственный здоровый глаз такой нагрузки не выдержал. В шестом классе Макарову выписали очки. Правда вскоре, после нескольких дразнилок от одноклассников и ребят постарше, самой деликатной из которых была «Очкарик – в жопе шарик», а некоторые из которых закончились драками, он стал носить их только в классе и дома. А в остальное время ходил по улицам и школьным коридорам, отчаянно щурясь. Впрочем, это опять-таки не мешало ему посещать музыкальную школу и спортивные секции. Он не сдавался на волю обстоятельств, продолжая считать себя здоровым и сильным человеком.

Во второй половине 80-х годов прошлого века на волне перестроечного бума сногшибательную известность в Советском Союзе получила клиника «Микрохирургия глаза» профессора-офтальмолога Святослава Фёдорова. Его в открытую называли кудесником и магом, по телевизору буквально каждую неделю демонстрировали репортаж или документальный фильм о его достижениях, а в народе ходила молва, что любой слепой, обратившийся к Фёдорову, покидает медицинскую обитель зрячим – пританцовывая и напевая под гармошку. Якобы прямо у центрального входа клиники день ото дня из небольшой кучи до могучего кургана вырастал столп из выброшенных прозревшим после операций советским народом очков. Разумеется, Сашина мама не могла не попасть под очарование искромётной харизмы могучего профессора и повезла сына в Москву. К Фёдорову!

Эта часть Сашиних воспоминаний мне особенно близка, потому что точно так же за прозрением в Москву и примерно в те же самые годы меня повезла и моя собственная мать. К счастью для меня (как я сейчас понимаю), иллюзия разрушилась быстро, и нам хватило всего двух поездок, чтобы понять, что ни Фёдоров, ни кто-то другой зрячим меня не сделает. Клиника принимала посетителей со всего Советского Союза, очередь была такой большой, что растягивалась на месяцы и годы. Вот так и нам с удивлённой матерью при первом визите в чудодейственную обитель всего лишь назвали дату следующего свидания – ровно через год.

Через год мать повезла меня «к Фёдорову» снова, и на этот раз меня действительно осмотрели и даже вполне тщательно – осмотр длился не менее получаса. Врач с молодым, почти мальчишеским голосом, расспросил у матери обстоятельства, при которых я ослеп, задал несколько вопросов и мне, а потом, тяжело вздохнув для приличия, объяснил, что мой случай неоперабельный. Мать всплакнула, потом тут же разозлилась и пообещала привлечь всех докторов клиники к суду за непрофессионализм и заверила молодого врача, что тут же отправляется на приём к министру здравоохранения. Разумеется, ни к какому министру она не пошла, мы перекусили в столовой, что располагалась недалеко от больничного комплекса, и отправились на железнодорожный вокзал покупать билеты в обратную сторону. Помнится, я был даже рад, что возвращаюсь из пугающей неопределённости в спокойную слепую отмеренность.

На Сашину долю поездок в Москву выпало чуть больше. Потому что его не только приняли и осмотрели, но и решили оперировать. Сначала на один глаз, потом на другой. Всё происходило не быстро: сперва, как и положено, запись на приём, примерно через год осмотр, ещё месяцев через восемь-девять первая операция, потом через полгода – вторая.

– Склеропластика – вроде так она называлась, – вспоминал Макаров. – Я до конца не понимаю, зачем мне её делали.

– Остановить рост близорукости, – поделился я соображениями.

– Ну да, на здоровом глазе, где падало зрение – для этого. А на больном, который и так ничего не видел – к чему она? Самое-то прикольное, что после операций зрение у меня так и не перестало ухудшаться. Я после этого случая полностью разочаровался в медицине и твёрдо решил, что никаким офтальмологам больше не отдамся.

И он сдержал своё обещание. До окончания школы зрение на «здоровом», как он привычно продолжал называть его, правом глазе, ещё немного снизилось, а потом, когда школьная скамья осталась позади, падение вдруг остановилось. Это Макарова окончательно успокоило и утвердило в мысли держаться подальше от докторов и операционных столов. Будучи обладателем крепкой и здоровой нервной системы, он лишь на самый короткий период подростковой жизни слегка занервничал, представив себе картину полной слепоты, но вскоре сумел отогнать её прочь и больше не будоражить её головной мозг. А после того, как в широком ходу появились мягкие контактные линзы и отпала необходимость носить очки, он и вовсе вернул себе душевное равновесие и ощущение собственной цельности. Именно линзы, точнее одну – на «здоровом» правом глазе – он и носил по сей день. «Больной» левый глаз с врождённой миопией линзы не требовал – хоть с ней, хоть без неё он продолжал видеть вместо предметов лишь размытые и подёрнутые сумраком пятна.

– Глазная медицина сильно продвинулась, – как-то заметил я ему. – Лазерная коррекция, и всё такое. Это уже не восьмидесятые. Возможно, сейчас тебе очень быстро бы всё выправили. Ты не думал обратиться к офтальмологам снова?

Саша помолчал на мои слова какое-то время, и я более чем уверен, что поморщился.

– Да ну их на фиг! – высказался потом резко. – Ни хрена они не выправят.

И с его словами на меня свалился такой живой и горячий ком сермяжной человеческой правды, что я уже ничего не смел на них возразить. Да и чем мне было крыть – ведь я был слеп и прекрасно знал, что мне самому никто и никогда уже не вернёт моё окончательно ушедшее в раннем детстве зрение.

Первые положительные дивиденды плохое зрение принесло Макарову вскоре после окончания школы – его не взяли в армию. Впрочем, это моя точка зрения. Сам он думал иначе.

– Ну а что, сходил бы, – рассуждал он. – Что тут такого?

Я не был уверен, что именно так он думал в начале девяностых годов прошлого века, когда получил на руки военный билет. Откосить от армии тогда считалось крутым и самым что ни на есть героическим поступком, в обществе царил атмосфера раннекапиталистического декаданса, в которой бурный пацифизм сочетался с голубыми иллюзиями свободы.

Помню, в местном обществе слепых эти настроения отразились в создании малого предприятия, сплошь состоящего из инвалидов по зрению. Я тоже в нём числился пару недель, хоть и не достиг восемнадцатилетнего возраста. Ну да на это никто не обратил внимания. Какой-то местный чудак или просто проходимец, имя которого память не сохранила, убеждал слепеньких инвалидов, что обучит их производству детских игрушек и всяких других полезных вещей, откроет в городе магазины, будет активно продавать поделки, и инвалиды наконец-то «заживут по-человечески».

Почему-то очень быстро вся эта движуха накрылась медным тазом. За себя могу сказать, что делать игрушки у меня категорически не получалось, поэтому от предприятия я мгновенно откололся. Но причина его ликвидации гнездилась не в таких криворуких бестолочках – были же и другие, у которых всё получалось – а в том, что никому на хрен эти игрушки были не нужны. Свобода брала в объятия всех подряд и отчаянно душила, душила, душила.

Так что и Саша наверняка обрадовался, что избавлен от двухлетней армейской каторги, а вместо неё может спокойно заняться реализацией своих помыслов.

Помыслов хватило на две поездки в МГИМО. Обе закончились «двойками» за сочинение. После второго московского облома он тем же летом успел подать документы в наш местный пединститут на филологический факультет, где сочинение написал на «отлично», а на остальных вступительных экзаменах получил лишь одну четвёрку.

– Разница в восприятии, – объяснял он, скорее сам для себя, этот парадокс с оценками. – Москва слезам не верит.

Быстро пролетели пять лет учёбы. По окончании института новоиспечённого педагога ждала среднеобразовательная школа. Он отработал там то ли два, то ли три года учителем русского языка и литературы, потом, как водится, затосковал от маленькой зарплаты и нереализованных амбиций, уволился и пошёл... в разнорабочие на стройку. Там открылись новые пласты неудовлетворённости, стройка была оставлена ради чудной профессии установщика дверей. Потом в его богатом жизненном портфолио замелькали такие разнообразные и востребованные специальности, как ночной сторож, продавец сантехники, сборщик мебели, укладчик асфальта, фасовщик на подпольном складе пиратских компакт-дисков и корреспондент городской газеты «Знамя труда», так и не переименованной под натиском рыночной экономики, но год за годом неумолимо терявшей в тиражах, как шагреновая кожа в размерах.

В корреспондентах он задержался чуть дольше. Наверное, потому, что эта профессия наиболее близко соприкасалась с его заветными, в детстве рождёнными творческими мечтами. Чтение книг не прошло для Саши Макарова даром – он и сам возжелал стать писателем. Ну, или на худой конец поэтом.

На момент нашего знакомства эта детская перверсия практически выветрилась, он говорил о ней с откровенной иронией, но в жизненном багаже остались кое-какие литературные произведения – рассказы, стихи и вроде бы пара повестей. Я никогда не просил Сашу почитать что-нибудь из своего творчества (потому что сам активно сочинял в подростковом возрасте надрывные стихи о смерти, любви, гибели Вселенной и дико стеснялся плодов той слабости, даже перед матерью, которая поощряла меня к этому занятию), поэтому не могу судить о степени его таланта. Но подозреваю, что огромным и ярким он не был.

Нет, я не отказываю ему в оригинальности, просто не считаю, что Макарову было суждено сотрясти основы отечественной и мировой литературы. Он был исключительно талантлив в своей неподражаемой личности, в своих поступках, в той лучистой ауре, что тоннами исходила от него и прожигала насквозь. Так что все эти поэтические и прозаические поделки, которые по определению есть ложь и глупость – разве могут они сравниться с ней? Человек знаменателен сам по себе, а не своими отклонениями.

Из газеты, когда она окончательно увяла и лишь смешила своим тиражом потенциальных подписчиков, Макаров перебрался в пресс-службу нашего машиностроительного завода. Зарплата там была на порядок больше, а писать требовалось на порядок меньше. По нашим городским меркам это место считалось даже крутым и престижным. Но Макарову оно довольно быстро перестало нравиться. На предприятии приходилось постоянно лизать задницу всевозможным начальникам и заниматься совершенно бессмысленной хреню.

– Летит! – выходит Саша в фойе заводууправления к местным журналистам, уже полтора часа ожидающим визита главы областного правительства. – Пятнадцатиминутная готовность!

Через пятнадцать минут из столичной пресс-службы звонят, чтобы сообщить: «Вертолёт приземлился у села Кукуева, шеф решил осмотреть посадки сахарной свёклы».

– Отбой, – снова появляется Макаров перед уже ненавидящей его журналистской братией. – Придётся снова подождать.

И это могло продолжаться весь день. В конце концов, приходит известие, что «шеф перенёс визит на другой день». Матерящиеся журналисты разъезжаются с предприятия по редакциям, а ранимый Саша остаётся наедине со своим внутренним голосом, строго вопрошающим, для чего он пришёл в этот мир.

Где-то через полгода после трудоустройства Макарова в пресс-службу все сотрудники предприятия проходили медосмотр в заводской поликлинике. При посещении окулиста с Сашей произошла неприятная история. Нервная женщина-врач обнаружила, что одним глазом он ничего не видит. Потом выяснила, что на втором у него линза, попросила снять её и, снова потыкав указкой в таблицу, поняла, что и этим глазом он не видит ни одной строчки. Занервничав ещё больше, женщина вскинула вверх руку с несколькими загнутыми пальцами и угрожающе стала приближаться к Макарову.

– Два, – ответил он, сильно расстроившись от того, что визит к окулисту превращается в такой геморрой.

– Ну как же два, как же два! – чуть ли не завопила несчастная то ли от своей ненавистой работы, то ли от семейных неурядиц врачаха. – Здесь три!

– У вас третий кривой какой-то, – заметил Саша. – Непонятно, то ли согнут, то ли расправлен.

– Мужчина, вы как вообще работаете? – взирала на него сверху вниз женщина. – Вы же самый настоящий инвалид! Кто вас принял сюда?

– Я не на производстве работаю, – отвечал Макаров, – а в пресс-службе.

– Да какая разница?! Какая разница?! Это предприятие!

Ещё какое-то время между ними продолжалась пикировка. Саша не на шутку разозлился, стал грубить в ответ и нагло спрашивать, в каком свинарнике эта тётенька получила медицинское образование.

– Ну и где мне работать? – кричал он ей. – Кто меня будет содержать, вы что ли?!

– Мужчина! – тряслась и вопила в ответ врачаха. – Есть требования, есть правила! С таким зрением вам на предприятии делать нечего. Я не имею права ставить подпись в вашей медицинской карте. Вам инвалидность оформлять надо.

– Да ради бога! Оформляйте!

Оформить инвалидность простой окулист корпоративной поликлиники, разумеется, не могла, но направить на освидетельствование – очень даже. Тем у них перебранка и закончилась: нервная женщина выписала Макарову направление в городской центр по освидетельствованию инвалидов, который функционировал при центральной районной больнице.

Саша был уверен, что никакая инвалидность ему в принципе не светит, потому что по его представлениям это была халява и сладкое бегство от реальности, а такого подарка судьба ему никогда не предоставит. Однако, к немалому своему удивлению, с освидетельствования он ушёл с будоражающим весь его внутренний мир заключением: «инвалид III группы». Инвалидность ему выписали без ограничения трудовой деятельности. То есть работать в должности сотрудника пресс-службы он вполне мог.

Пара месяцев ушла на принятие нового статуса. Чрезвычайно расстроившись поначалу и как-то даже потерявшись от этого известия, Макаров вдруг обнаружил, что в инвалидности имеются и свои плюсы: государство положило ему пособие. Всё по закону. Где-то пять с небольшим тысяч рублей в месяц, включая областные надбавки. Деньги пусть и небольшие, но не лишние.

Как официального инвалида его обязали вступить в районное общество незрячих и слабоборющихся. Он сходил на заседание – пассивная и уставшая слепота молча выслушивала деловую женщину из городской администрации. Та заявила к слепеньким с упрёками: общества не видно, деятельность незаметна, в областной спартакиаде инвалидов по зрению наши безглазые спортсмены заняли предпоследнее место. Это позор! На что вам деньги выделяются?

Слепенькие молчали. Слепенькие были тёртыми калачами. Какая к чёрту спартакиада, думали они про себя, коньки бы не откинуть с вашей копеечной пенсией.

Только Саша не смолчал. Саша стал задавать вопросы. Саша стал делиться репликами. Саша взялся выступать с предложениями.

– Надо активнее освещать жизнь местных инвалидов по зрению в печати. Я профессиональный журналист и мог бы на общественных началах организовать здесь нечто вроде пресс-службы. Готовить информацию о мероприятиях, очерки о людях.

– Что касается спорта, то я бывший футболист и готов включиться в подготовку инвалидов к соревнованиям. Думаю, по вечерам это было бы всем удобно. Конечно, если вы предоставите нам помещение или стадион.

– Ну, и культурную жизнь нашего общества надо повышать. Я выпускник музыкальной школы, играю на баяне и гитаре. Почему бы не создать при обществе ансамбль или вокально-инструментальную группу?

С каждым новым словом деловая женщина из администрации расцветала. Деловой женщине новый персонаж среди инвалидов определённо нравился. Активный такой, неравнодушный.

– Да предоставим помещение, что вы, какие разговоры. И стадион не проблема. И комнату для репетиций ансамбля найдём. Вас как зовут, мужчина? Вы тут недавно, я гляжу?

С женщиной Саша несколько раз пересекался по работе в газете, но она его не помнила. Впрочем, Макарова это только порадовало – его и так все знакомые, кому сорока на хвосте принесла новость об инвалидности, неприлично жалели. Бедненький, несчастненький, жизнь под откос. Он представился, женщина записала имя и телефон. Через день он сходил в администрацию к ней на приём, попил вместе чаю и расположил к себе Валентину Игоревну – так звали курирующую социальную сферу чиновницу – ещё больше. Прямо при нём она обзвонила всех ответственных в городе за спорт и культуру людей, договорилась о тренировках и репетициях. Макаров приступил к общественно значимой деятельности.

Человеком он был всё-таки необычным – я и при знакомстве с ним это тотчас же понял, а сейчас осознаю эту истину ещё весомее. В наши квёлые и потерянные времена такой энергичный и жизнерадостный человек – огромная редкость. Человек, который умеет вести за собой. Человек, который умеет зажигать в тебе пламя. Совершенно уникальный человек, живущий не только заботами о пропитании, но и чем-то высшим. Верой во что-то большее. Существующий помимо этого унылого и наполненного ненавистью мира в каких-то других измерениях и субстанциях. При этом отнюдь не блаженный и не сумасшедший. Здравый человек, трезвый.

Ничуть не тушуясь, Макаров взялся планомерно воплощать в жизнь все свои высказанные на собрании предложения. В умирающих городских газетах начали появляться очерки о незрячих инвалидах, и в каждом материале о самом обыкновенном человечке Саша умудрялся найти нечто оригинальное и тёплое. Нередким гостем на мероприятиях незрячих стало местное телевидение. А порой заглядывало и областное. Сколотив футбольную команду

из членов общества, более-менее различающих очертания предметов, он сделал её боеспособной единицей. Успехи поёрли и в других видах спорта. На очередной областной спартакиаде инвалидов по зрению наша городская команда с предпоследнего места подскочила на второе. Причём в некоторых видах, в том же футболе, подопечные Макарова завоевали безоговорочную победу. Разумеется, лучшим бомбардиром турнира стал он сам.

– Честно говоря, совсем несложно там быть чемпионом, – рассказывал он мне о соревнованиях. – Уровень слабенький.

Продвигались у него дела и с вокально-инструментальным ансамблем. Собственно, на почве музыки мы с ним и познакомились.

Однако на Сашиней работе, в пресс-службе машиностроительного завода, отношение к нему ухудшилось. Вслух вроде бы никто не выражал недовольства тем фактом, что на ответственную должность затесался инвалид. Но по углам и шепотком местные начальнички что-то этакое бормотали. Особо руководство предприятие было недовольно тем, что по Сашину душу постоянно звонили из городской администрации с просьбой отпустить его то на одно, то на другое мероприятие.

В какой-то момент гнойный нарыв прорвался: заместитель генерального директора, ответственный за пресс-службу, встретив однажды Макарова в коридоре, прямо в лицо высказал ему претензии. Мол, чё у тебя там за дела? Ты если работать сюда устроился, то работай, а если тянет мячик попинать, то для этого и другие работы есть. Да и вообще, тебе можно ли трудиться здесь? Не болят глаза?

Хоть и было это сказано с натянутой улыбкой и вроде как по-дружески, но определённый диссонанс в тонкий внутренний мир Макарова внесло. Мысль об увольнении и раньше посещала его, а теперь она и вовсе сделалась предельно конкретной. От решительного шага удерживало лишь опасение, что другую путную работу в нашем небольшом Травяновольске уже не найти.

Проблема с работой решилась неожиданно, но вполне удовлетворительным для Макарова образом.

– Саш, ты просто молодец! – приобнимая, поздравила его с каким-то очередным достижением общества слепых Валентина Игоревна. Она уже называла Макарова на «ты» и была с ним почти в дружеских отношениях. – Караянца (это был председатель общества) никто не вспоминает, есть он или нет. Слушай-ка, что-то делать ведь с этим надо! У нас председатель общества на зарплате, а деятельности от него – ноль. Всю работу ты тянешь, общественник. Давай мы тебя председателем сделаем! Мы тобой очень довольны.

Саша сделал вид, что задумался. А может и в самом деле задумался – не исключено, что он просто не знал о том, что председателю общества положена зарплата.

– Правда у тебя работа хорошая, – тут же покачала головой чиновница, – на предприятии. Не уйдёшь ты оттуда.

– Да я бы с радостью, – ответил Макаров. – Только бы денег на жизнь хватало.

– Восемь тыщ у председателя зарплата, – поделилась Валентина. – Не пойдёшь ты на такую.

Саша прикинул в уме: почти пять с половиной пенсия с надбавками плюс восемь за председательство – и того тринадцать с лишним. Ну а что, жить можно. Меньше, чем в пресс-службе, но разве в деньгах счастье?

– Согласен! – выдохнул он и уже через две недели, будучи избранным самым демократическим образом, вступил в должность председателя.

Личная жизнь Макарова мне известна мало. Знаю лишь то, что был он когда-то женат и имел дочь, но благополучно развёлся и отношения с бывшей не поддерживал. В Травяновольске жила его мать, с которой он общался крайне редко, а отца Саша никогда не видел. «Он был уголовником и умер в тюрьме, – бросил он как-то нехотя и презрительно. – Я произведён на свет одинокой неврастеничкой и рецидивистом».

Кто бы только знал, с какой болью это было сказано!

Вокально-инструментально

– Юрик, тебя к телефону, – разбудила меня мать.

Дурная привычка – спать в середине дня, знаю. Я же не детсадовец. Но тянуло – и ничего не мог с собой поделывать. Ночами долго засиживался – поэтому. Всё мысли, всё видения. Оценка возможностей и вариантов – неизменно фантастическая и горькая. Рефлексия гнусная. Никуда от неё не деться. Быстрее бы умереть.

– Мужчина какой-то, – объясняла она. – Говорит, из общества.

Добавлять из какого не требовалось. О другом обществе мы дома не упоминали.

– Юрий? – голос бодрый, зовущий, но с целым сонмом обертонов. Я научился их различать, я мастер выявления смыслов в звуковых колебаниях. Я помнил этот голос, мне хотелось услышать его снова. Я напрягся и сжался – от того предчувствия, что принёс он с собой, от тех реальностей, в которые мог увести. От несоответствия этих звуков одномерности моего существования. Я понял: этот голос может радикально изменить мою жизнь.

– Да.

– Это из общества незрячих, Александр меня зовут. Меня к вам направили. Вы вроде бы были на последнем собрании, но я не успел с вами познакомиться. Я тут добро получил на создание при обществе вокально-инструментального ансамбля. Говорят, вы клавишник сильный. Как насчёт того, чтобы к нам присоединиться?

– А вас уже много? – почему-то спросил я и сейчас понимаю – из ревности. Мне ни с кем не хотелось делить этот голос.

– Пока я один, – рассмеялся человек. – С кандидатом в барабанщики разговаривал, но он отказался. Надо будет другого искать. Сам я тоже играю на всём понемногу. Но себя в бас-гитаристы планировал. Если серьёзно этим заниматься, на клавишных я не потяну. Мне сказали, вы самый лучший в городе.

– Самый лучший среди слепых или просто самый лучший?

Я понимал, что говорю бестактность, причём в первую очередь по отношению к себе, но ничего не мог поделывать, когда волна нахлынула и несёт за собой. Поэтому со мной трудно. Поэтому я почти не общаюсь с людьми.

– Ну, если по мне мерить, – ничуть не смутившись, ответил Александр, – то среди слепых я точно самый лучший бас-гитарист. Ну а вы, наверное, вообще самый лучший... Юра, – после короткой паузы он перешёл на «ты», – даже не сомневайся, группа будет офигенная! Не пожалеешь.

После таких слов уговаривать меня уже не требовалось. И особенно понравилось, что Макаров не слепой, а кое-что видит. Я вообще больше здоровых людей люблю, чем больных. Если о какой-то любви можно говорить применительно ко мне. Таких, как я, надо безболезненно умерщвлять. Мы только засоряем землю.

Я ещё порасспрашивал, где будем репетировать, а самое главное – что исполнять. Он назвал какой-то адрес – вроде бы это был Дом детского творчества, там имелась каморка с инструментами. Именно её предоставила ему чиновница. Ну а исполнять – да в принципе, всё, что угодно.

– Сам я вырос на хард-роке, – объяснил он. – Лед Зеппелин, Дип Пёрпл, Назарет. Что-нибудь возьмём из их репертуара. Хотя, пожалуй, надо и что-нибудь русскоязычное выучить. ВИА семидесятых – они сейчас хорошо идут. Да хоть шансон – я на своих вкусах настаивать не буду. Лишь бы людям нравилось.

– Можно у меня начать, – я почувствовал, что во рту пересохло от этих слов. – Усилок имеется. Если бы ты с бас-гитарой подъехал, мы бы могли что-нибудь разучить.

– О, здорово! – воскликнул Саша и тем самым расположил меня к себе окончательно и бесповоротно.

Музыкой я стал заниматься с горя. Первое время слепоту переживал стойко и молча – просто маленький был и ничего не понимал. Ну а где-то в десятилетнем возрасте меня накрыло Отчаяние. Я со всей очевидностью осознал, что слеп, что радикально отличаюсь от большинства людей и что это навсегда, до самой смерти. Навсегда-навсегда – и никому не в силах изменить это положение вещей.

Со мной начались нервные срывы, припадки. Особенно сильное раздражение я испытывал в те моменты, когда ощущал на себе жалость окружающих.

– Не надо на меня так смотреть! – кричал я в больничном коридоре невидимым людям, ожидая приёма у врача. – Думайте о своих болезнях!

– Юрик, успокойся, здесь никого нет! – шептала мать.

Больше всего доставалось именно ей – она была единственным человеком, кто проводил со мной всё время, а потому её я считал главным виновником своих бед. Она же вела себя совершенно неправильно и вместо сурового равнодушия, которое только и могло отрезать меня, изливала тонны липкой и мерзкой жалости. От жалости этой меня выворачивало наизнанку.

Несколько раз я порывался выброситься из окна – мать в последний момент стаскивала меня с подоконника. Не знаю, на самом ли деле я собирался прыгнуть или просто делал это из желания досадить ей. Пожалуй, и прыгнул бы – Отчаяние порой накатывало слишком большое. У меня изрезаны все предплечья – да, я любил схватить ножик и рубануть им по невидимым венам. Неимоверное наслаждение вызывали вопли, которые издавала в это время мать. Я словно избавлялся на мгновения от болезни – не от физической, так психологической – сбрасывая на неё терзавшую меня душевную боль.

– Ты ни в чём ни виноват! – глупая, истеричная мама, зачем-то она кричала эти слова в надежде успокоить меня. – Ты не виноват в его смерти! Ты ничего не мог поделать!

Меня трясло от этого успокоения ещё больше. Как ты не понимаешь, тварь, шептал я, что я никогда не винил себя в смерти отца. Мне вообще наплевать на него! Мне на всех наплевать, кроме самого себя! Я хочу всего лишь стать таким, как большинство... Хочу всего лишь вернуть себе зрение... Почему, ну почему меня сделали уродом?

В какой-то момент мать не выдержала и сдала меня в областной интернат для слепых детей. Ей давно это предлагали. Обучать слепого ребёнка в домашних условиях, да ещё в нашем провинциальном городе неимоверно сложно, но она отметала все предложения и твердила, что никогда не расстанется с сыном. Я тоже не хотел уезжать из дома, потому что было страшно. При всей моей агрессии к матери, у меня не было никого, кроме неё. Лишь вызванная в ней моим истеричным поведением твёрдость помогла сделать благое дело: мы расстались на время и в значительной степени успокоились. Только твёрдость и даже жестокость помогают нам расти и развиваться – я стал понимать эту скрытую истину именно тогда.

Не то чтобы интернат оказался райским уголком, совсем нет. И даже близко к тому. Обыкновенное вонючее заведение с моральными и физическими уродами, на которых никак не находится смелого политика-спартанца. Но там был социум, там была среда общения, там могли чему-то научить. Увы, человек – социальное животное, без общества он никто.

Самым ценным из всего, что преподавалось в интернате, оказалась музыка. Неожиданно для себя я быстро прикипел к старенькому пианино, что не первое десятилетие рассыхалось в музыкальном классе. В нём обнаружили столь необходимые мне страсть и неистовство. Станным образом во мне открылся музыкальный слух, я начал делать успехи.

Воистину замечательным моментом в занятиях музыкой стало то, что было совершенно неважно, слеп ты или зряч. На пианино с равным успехом мог играть и тот и другой. В музыке не нужно зрение, в музыке нужен слух.

Вскоре никто из собратьев-инвалидов не мог сравниться со мной в мастерстве владения инструментом. Я выступал в интернате на праздничных вечерах, а вскоре меня уже возили на концерты и за его пределы. Где-то в шкафу хранится целая кипа почётных грамот, полученных мной на всевозможных конкурсах. Причём не только инвалидских. Впрочем, я подозреваю, что давали их мне совсем не за мастерство, а просто из жалости. Согласитесь, трудно обидеть слепенького подростка, который вдохновенно долбит по клавишам что-нибудь из Софьи Губайдуллиной. И от подростка слёзы на глаза наворачиваются, и от музыки жутко.

Иногда меня спрашивают: что же я не пошёл дальше, не поступил в консерваторию, не попытался стать концертирующим пианистом? Ведь слепой за фортепиано – это так круто. Это фишка, это потенциальный успех. Стоп, это я сам себя спрашиваю. Никому другому нет до меня никакого дела. Не пошёл, потому что не хотел. Потому что уровень подготовки не тот. Потому что никому я там не нужен, в этой заоблачно-звёздной выси с её жеманством и особым кодексом поведения. Рождённому ползать летать не дано. Сам а борн ту свит дилайт, сам а борн ту эндлесс найт – ну, вы понимаете, надеюсь.

С возрастом крайности ослабевают, а эмоции тускнеют. Постепенно я смирился с действительностью. Это не моя заслуга, это естественное развитие человеческого организма. Химические реакции притупляются, головной мозг работает медленнее. Начинаешь принимать жизнь такой, какая она есть и пробовать найти в ней собственную нишу.

По окончании обучения в интернате я вернулся домой. Пытался давать частные уроки музыки, но дело не пошло – я слишком не люблю людей, а детей в особенности. Да и не было в работе жизненной необходимости. Инвалидской пенсии вполне хватало на пропитание и одежду. Тем более что жил я с матерью. Я даже накопил денег на синтезатор. Записал на нём несколько альбомов собственной музыки – разумеется, их никто не слышал, да и ни к чему это. Подозреваю, что я никудышный композитор.

Однако полностью спрятаться от человечества не удалось. Про меня прознали местные музыканты и стали приглашать клавишником в рестораны. Попервой сама идея выступить перед публикой в кабаках вызвала во мне ступор, но как-то раз, уступив «на слабо» одному особо настойчивому товарищу, а был это недавно умерший от панкреатита гитарист Влад Горбылёв, я попробовал – и к удивлению своему не испытал никакого заметного разочарования. Партии свои исполнил нормально, певица попадала в ноты, другие музыканты тоже почти не лажали – нам то и дело аплодировали. Мать, сопровождавшая меня в той самой первой ресторанной вылазке, даже похвалила, и по её голосу я понял, что слова эти не были дежурной похвалой. Мол, сидишь в чёрных очках за синтезатором, такой крутой, стильный. Она так и произнесла – «крутой, стильный» – несвойственные и чуждые её возрасту слова. И надо же такому случиться – я купился на этот образ, хоть и был он сформирован вызывающей подозрение и не внушающей доверия родительницей.

За первым выступлением последовали другие – чуть более или чуть менее удачные – но большое и всепоглощающее разочарование, которого я так ждал, не приходило. К стыду своему я обнаружил вдруг в ресторанной реальности какую-то трогательно-сермяжную энергетику. Эта бандитская и коммерсантская публика тоже имела свою наивную философию жизни и причудливый кодекс чести.

Более того, я стал в городских ресторанах знаменитостью. Слепой клавишник – это всё-таки фишка. В перерывах ко мне подходили, знакомились, приглашали за стол, угощали выпивкой. Отказывать всем подряд не получалось. Конечно же, в глубине души меня жалели,

даже в наше время люди не утратили способность на это чувство, но в силу возраста жалость не проявлялась явно и походила на ненавязчивое дружеское участие.

Благодаря ресторанной работе я знаю многих влиятельных в городе людей. Почти всех криминальных авторитетов. Мне это, в общем-то, ни к чему, но если вдруг вы захотите наехать на меня или мою мать, то лучше семь раз подумайте – в моём сотовом немало нужных телефонов, и я не сомневаюсь, что братки придут на помощь. Я же слепой, а инвалидов они жалеют.

– Юра, как дела? Как сам? – так обычно начинается вечер в ресторане.

Я за клавишными, разминаю пальцы, моя импровизация звучит в колонках, и приходящие в зал люди приветствуют меня. Чёрт, мне льстит это. Я поворачиваюсь на голос, улыбаюсь и киваю.

– Нормально, – отвечаю.

Или даже что-то острее:

– Не дождётесь!

Я в неизменных чёрных очках: стиль – святое дело. Но и практическая польза – людям будет неприятно взирать на твои безжизненные глаза.

Вскоре начинается выступление: если я в «Алмазе», то поёт Наташа Шакирова – она то ли татарка, то ли узбечка, и вокал у неё слабенький. Зато, как говорят, колоритная восточная внешность, ей она и берёт публику. Каждый вечер к ней подваливают подвыпившие денежные мужчины, с кем-то она уезжает после работы домой. Ну, или куда они там направляются...

Её репертуар – исключительно российская попса кабацкого разлива. «Младший лейтенант», «О, боже, какой мужчина», «Как упоительны в России вечера» – всё в таком духе. Публика в «Алмазе» соответствующая – непритязательные бандюганы, туповатые коммерсы, получившие вовремя зарплату и пытающиеся шиковать плебеи-работяги. После двух-трёх песен и нескольких принятых на грудь рюмок здесь начинаются пляски с топотом и гиканьем. «Алмаз» хорош тем, что музыкантам щедро подают, заказывая в очередной раз «Семь морей» или «Гранитный камушек в груди».

После закрытия ресторана все деньги делятся между музыкантами, и Наташа, надо отдать ей должное, никогда не претендует на большее, чем остальные, хотя все сборы – исключительно её заслуга. Стихийные доходы существенно превосходят те деньги, что платит нам руководство ресторана.

«Алмаз» – прибыльное место, многие мне завидуют. Может, глаза себе выколите, завистники? Нет? Ну тогда помалкивайте.

Если я в «Роботе Вертере» – то репертуар более изысканный. Ну да и ориентация заведения как бы не простая, «антибыдлярская». Здесь и джазик проскальзывает, и что-то типа варьете. Неофициально «Робот Вертер» считается гей-пристанищем, но в силу того, что геев в нашем небольшом Травяновольске по определению немного, ему так и не удаётся закрепить за собой этот статус.

За вокал здесь отвечают двое – поющий фальцетом парень по имени Арам, армянин, фамилию всё никак запомнить не могу, и Зина Коромылова, милая такая, общительная и очень даже небесталанная девушка с весьма необычным и я бы сказал пронзительным вокалом.

Арам большей частью специализируется на ар-эн-би с вот этими «а-а-а» и «о-о-о», когда демонстрация вокальных способностей становится главнее, чем сама песня. Он очень большого о себе мнения, хотя, на мой взгляд, таких голосунчиков пруд пруди, а истинную проницательность ему передать не дано.

Вот Зина – настоящее украшение не только «Робота», но и всего города. Я считаю, что ей по силам пойти гораздо дальше, намного дальше – проблема лишь в том, что она так и брыз-

жет нестандартной индивидуальностью, а в наше тусклое время такие яркие личности, как правило, не востребованы. Большой её плюс в том, что, в отличие от большинства певцов, да и просто музыкантов, у неё широчайший кругозор: она слушает всё, от первобытного деревенского блюза, древних мюзиклов и классического хеви-метала до диско, трип-хопа и современной электронной психоделии. Этот разброс позволяет ей прекрасно ориентироваться в жанрах, что-то она подбирает для себя и выдаёт на выступлениях чрезвычайно оригинальные номера с переодеванием, сюжетом, какой-то драматической составляющей – не знаю, как публике, а мне очень нравится всё, что она делает. Ей тоже хлопают, но совсем не так, как Наташе Шакировой в «Алмазе» – то ли народ здесь скромный и интеллигентный, то ли просто не врубается.

У Зины есть несколько коронных номеров – это «Но редорьян» Эдит Пиаф, «Бэнг бэнг» Нэнси Синатры, «Мани Мани» Лайзы Минелли, «Александр» Леди Гаги. В каждой песне она выкладывается на сто процентов, это не может не впечатлять: наверное, я даже влюблён в неё тайно. Тайно, но сдержанно – я понимаю, что не достоин её.

Мы с Зиной хорошо общаемся, именно со мной она проводит первые репетиции своих новых номеров, однако по её голосу и поведению мне понятно, что она жутко тяготится жизнью в нашем бескультурном городе и пытается вырваться из него на творческий простор. Наверное, она и меня воспринимает как одно из звеньев сковывающей её талант цепи, по крайней мере, несмотря на общительность, в её поведении есть нечто отстранённое, холодноватое. Она никогда не переходит установленную себе самой грань – и это нравится мне ещё больше. Мне кажется, она несчастна в глубине души и закончит жизнь на помойке – от передоза или сама наложит на себя руки.

Есть один номер, в котором мы с ней поём вдвоём – единственная песня, где я рискнул опозориться со своим вокалом. Это «Саммер Уайн» той же Нэнси Синатры и Ли Хэзлвуда. Я решился исполнить её только потому, что вокал как таковой там не требуется: нужен лишь мужественный уставший баритон, печально рассказывающий историю краткосрочных отношений со случайной и ветреной девушкой. Эта песня известна широким народным массам по версии, исполненной популярной в низших социальных слоях немецкой группой «Скутер», поэтому многие её узнают.

«Ай уокд ин таун он силвер спёрс дат джинглд ту...» – начинаю я негромко мурлыкать под клавишные, только они звучат здесь, никаких барабанов и гитар. «Энд ай уил гив ту ю саммер уайн»... – поёт Зина своим высоким красивым голосом. Красавица и чудовище – вот смысловой эффект этой песни. Слепой уродец и звезда – должно быть, что-то просыпается в людях от такой картины.

Впрочем, кто-то говорил мне, что Зина совсем не красавица и даже страшненькая, но какая разница – в песне работают образы. В ней запоминающаяся мелодия, и она неизменно пользуется в «Роботе» успехом – нам даже заказывают её на бис. Правда, сборы от бисов здесь несравнимо ниже, чем в «Алмазе» – интеллектуальная публика стесняется разбрасываться деньгами, а скорее всего, просто не имеет их в достаточном количестве.

Что Зина, что Арам регулярно срываются на заработки в областной центр Дивноглядск, а порой – и в Москву с Петербургом. Но неизменно возвращаются назад – видимо, таких певунов в столицах хватает. А ещё они время от времени пытаются пробиться на телевидение – сначала на «Фабрику звёзд», потом в «Голос». Арама всегда отсеивают на предварительных прослушиваниях, и в такие моменты я понимаю, что в Москве обитают не совсем уж глупые люди, а Зина как-то пробилась на слепое прослушивание в «Голос». Исполняла она зачем-то хулиганскую песню из репертуара Нины Хаген и никто из светил к ней не повернулся. Она бодрилась после этого, делала вид, что ничего не произошло и жизнь продолжается, но я чувствовал, что этот провал прибил её к земле окончательно, и она не скоро расправит крылья – если расправит вообще.

Кроме «Алмаза» и «Робота Вертера» меня можно увидеть ещё в двух-трёх кабаках, а иногда на свадьбах и юбилеях во всевозможных кафе и столовых. Но значительно реже. Обычно я появляюсь там, подменяя кого-нибудь по просьбе знакомых. Несмотря на частые выступления в городских увеселительных заведениях, я совершенно не чувствую свою сопричастность к человечеству и остаюсь глубоко одиноким человеком. Кто-то скажет в духе современных психологических веяний, что мне нравится быть таким, но это неправда. Я бы с удовольствием променял всё это многоголосье на одного-единственного, сильного, верного и зовущего за собой человека.

Саша приехал ко мне в тот же вечер после телефонного разговора и привёз с собой бас-гитару. Я лишь позже понял, что достать инструмент было для него непростым делом – он то ли утащил её из каморки в Доме детского творчества, то ли наскоро одолжил у кого-то. Потому что пообещал, а точнее не успел объяснить по телефону, что собственной бас-гитары у него нет. Но не позволил себе подвести человека и намеченное самим собой дело. Редкое качество.

От него хорошо пахло. Это крайне важно для меня. Я как безродная шелудивая псина болезненно реагирую на запахи – по известной причине у меня обострены оставшиеся в наличии чувства. Хорошо – не значит изящно. Он не пользовался одеколонами и спреями. От него пахло естественностью, пахло человеком.

Я не позволил матери открыть дверь, впустил его в квартиру сам и, выставив вперёд ладонь, ощутил крепкое и уважительное рукопожатие. Оно тоже понравилось мне: он не сдвинул ладонь изо всех сил, как делают некоторые рубахи-парни, и небрежностью от его рукопожатия не веяло – оно было плотным, корректным и тактичным.

Я предложил ему чая, и Саша не отказался. Люди сейчас пугливые, брезгливые – жизнь, посвященная выживанию, приучает их подальше держаться друг от друга – от чая обычно отказываются. А Макаров был не прочь и это ещё одно свидетельство в его пользу.

Мать, которая при каждом визите незнакомого, да и знакомого тоже человека напрягалась и заметно нервничала, засуетилась, метнулась на кухню, но я выпроводил её оттуда – слава богу, в собственной кухне я и без глаз достаточно ловко ориентируюсь.

Мы присели с Сашей за стол, выпили по стакану чая с вареньем и хорошо, с шутками и без неловких пауз пообщались, установив прочный дружеский мостик. Даже более чем прочный. Именно тогда он и рассказал мне историю своего появления в обществе. Именно тогда я и ляпнул порадовавшую его фразу про одноглазого короля.

Я позже спрашивал у матери, как он выглядит, и она достаточно подробно мне его описывала. Из её словесной зарисовки можно было понять, что внешность у Макарова самая традиционная. Средний рост, русые волосы, что ещё?..

– Ну, глаза такие выразительные, – отметила она особо, и для меня это стало решающим моментом. Выразительные глаза – это самое главное. Я и по голосу, по интонации, заложенной в нём, почувствовал эту выразительность. У большинства, я уверен, глаза абсолютно блёклые – потому что их голос не выражает ничего, кроме усталости и раздражения от жизни.

Усилок стоял в моей комнате – я подключил к нему Сашину бас-гитару, она оказалась расстроенной.

– В школе на басу лабал, потом в институте, – поведал он, настраивая её и как бы объясняя, откуда он, учившийся в музыкалке на баяне, знаком с этим инструментом. – Школьная рок-группа называлась «Вектор» – это ещё в перестроечные времена, тогда любили такие названия. А в институте – «Доктор Менгеле». Иногда – «Добрый доктор Менгеле». Играли хреново, памяти о себе в музыкальной истории не оставили.

– В каком стиле? – спросил я.

– Ду ит ёселф, – ответил он, добродушно хмыкнув. – Что получается, то и выдаёшь.

Гитара была настроена, я уселся за синтезатор, мы взяли первые аккорды. Потом попробовали хорошо известный риф из «Смоук он де уотер». Получалось неплохо, Саша даже исполнил припев. Потом прошлись ещё по нескольким рок-стандартам. Музыкальный кругозор у Макарова был хорошим, слух нормальным, вот только техника исполнения хромала, но не в критических масштабах. Для провинциальной рок-группы сойдёт. Да и не играл он давно – может, поэтому.

– А вот ещё одна песня хорошая есть, – предложил я, словно проверяя его, да и проверяя на самом деле, только не на музыкальную грамотность, а на психологическую совместимость. – «Летнее вино».

– Это которая у Нэнси Синатры? – спросил он. – С этим, как его...

– Ли Хэзлвудом. Она самая. Знаешь?

– Ай уокд ин таун он силвер спёрз... – он тут же исполнил начальный текст, правда потом сбился, а ещё небезуспешно попытался подобрать к песне партию бас-гитары.

Я вдарил по клавишам, тоже запел – и то ли с третьего, то ли с четвертого раза мы сыграли её полностью от начала до конца. Я пел, а он, вспоминая знакомые фразы, вставлял их мне в унисон. Я понял, что ансамбль у нас получится и даже совсем неплохой. В голове тут же возникла картина: мы стоим на сцене и исполняем «Саммер уайн» – я мужскую партию, а Саша женскую. И пофиг, что песня написана для разнополюх вокалистов, всё равно никто текст не поймёт.

– Можно взять её в репертуар, – предложил я.

– Мне тоже нравится, – согласился он. – Берём.

– А как будет называться наша группа? – этот третьестепенный вопрос не давал мне покоя с самого начала.

– Подумаем.

– Может быть, «Слепые»?

Саша издал добродушный хмык и вроде бы выразительно посмотрел на меня. По крайней мере, именно это мне почудилось. А ещё подумалось, что сейчас он возразит. Скажет, что над нами стоит городская администрация, что это слишком цинично и вызывающе, что многих такое название оскорбит.

Но ничего подобного не произошло.

– Да запросто!

Так родился вокально-инструментальный ансамбль «Слепые». Именно вокально-инструментальный и именно ансамбль – мы решили, что этот ретро-термин куда теплее и душевнее, чем набившая оскомину перестроечная «рок-группа».

Дебют в «Тройке»

Для чего я вообще полез в это музыкальное предприятие? Ведь не перспективы же в нём разглядел, правильно?

О каких перспективах можно рассуждать в нашем Зажопинске, где самой большой музыкальной звездой считается бывший инспектор ГИБДД Стас Гребнев, который каким-то образом научился делать танцевальные миксы на старые советские песни из мультфильмов, рискнул бросить работу ради клубной жизни, назвал себя DJ Гребень и якобы на волне популярности укатил в Первопрестольную, где опять-таки якобы стал звездой ночных клубов. Каждые три месяца он возвращался на родину ради «единственного выступления» и о каждом единственном истерично вещало местное телевидение в своем традиционном репортаже. На телевидении ежемесячно менялись корреспонденты, и Стас не успевал им надоесть.

Зина Коромыслова тоже пережила свои пять минут славы после появления на Первом канале, но звездой её никто не считал – она никуда не уехала, а значит оставалась в статусе провинциальной неудачницы, о которой делать репортажи и писать статьи запахло.

Вот и «Слепые» в принципе не могли развиваться во что-то нормальное и полноценное. Мне даже думалось поначалу, что и выступлений у нас как таковых не будет. Так, побарахтаемся в каморке под пиво и разговоры.

Сила Сашиного обаяния – вот единственная причина, по которой я подписался на это дело. Мне хотелось быть с этим человеком рядом, от него исходили энергия и свет. Он был сильным, а я слабым. Я хотел перенять частичку его силы, о которой он сам, скорее всего, не подозревал, считая себя потерявшимся в жизни балбесом.

Мне помнится, как-то раз, чуть позже, именно так он себя и назвал: «потерявшийся в жизни балбес». За точность цитаты не ручаюсь, потому что запечатлел её в подкорке будучи под воздействием винных паров и не при самой обязательной для запоминания философских истин ситуации звёздного раздрая.

Но обо всём по порядку...

Барабанщика Саша вскоре отыскал и он на наше счастье оказался инвалидом. Правда не по зрению, а по какому-то общефизическому заболеванию – вроде сердце у него шалило. Звали парня Алексей Удачин и, представляя его коллективу ансамбля, а точнее мне в той самой каморке в Доме детского творчества, где мы уже обжились и даже принялись за пиво, он выразил твёрдую уверенность, что человек с такой фамилией не может не принести нам удачу.

Лёше было что-то около двадцати пяти, то есть по нашим меркам практически пацан. Он оказался редкостным молчуном, но человеком приятным. Молчать тоже можно по-разному. Один молчит напряжённо и нервно, распространяя вокруг себя флюиды напряжённости, а другой – расслабленно, умиротворённо. Вот именно таким расслабленным молчуном Лёша и являлся. С сердцем у него действительно было неладно, потому что то и дело он доставал упаковку шебуршащих таблеток и торопливо глотал одну или две – точно по звуку определить я не мог. А ещё ему периодически требовалось выходить на воздух, чтобы раздышаться – всякие спёртые каморки и другие закрытые помещения действовали на него не лучшим образом. Барабанил он простенько, без ухищрений, но точно – и этого было достаточно.

Пришествие «непрофильного» инвалида в ансамбль Макарова не беспокоило. Он резонно полагал, что никто в этих инвалидских тонкостях разбираться не будет, да, собственно, никаких строгих обязательств по формированию ВИА исключительно из незрячих он никому не давал. Я так полагаю, что наша городская администрация просто не додумалась бы выяснить, кого он там набрал в ансамбль, потому что дело это было сугубо общественно-добровольное, денег за него никто не платил, а два слепых в составе – это уже шикарный результат.

Проблема возникла с гитаристом. Гитара – самый главный инструмент в группе, тут человек требовался мастеровитый. На обязательной инвалидности мы уже не заморачивались, нам бы и любой здоровый подошёл. Но те прилично владеющие инструментом гитаристы, с которыми я выступал в ресторанах, от участия в инвалидском ансамбле наотрез отказались.

– Бесплатно? – переспрашивали они. – В Доме ветеранов и в школах? Ты чё, серьёзно? Окстись, Юрка!

Не шло дело с поисками и у Саши. Мы какое-то время репетировали без гитары и даже вполне сыгрались, но что за звук без гитариста? Если только «Крафтверк» какой-нибудь или «Тенджерин Дрим». Но не наш это профиль.

Мне кто-то шепнул наконец, типа с юморком:

– Ты Афиногеныча подключи. Сильнее гитариста в городе нет. Если он жив, конечно.

Потом кто-то другой рассказал подробнее: да, есть такой гитарюга, Степан Афиногенович, живой динозавр времён расцвета психоделики и хард-рока. Играл в самой первой созданной в городе рок-группе, название которой история не сохранила. Потом подался в Москву и как-то сумел пробиться в знаменитые ВИА того периода – мне со всей определённостью называли ансамбль «Пламя» и ещё пару-тройку групп, правда уже не столь определённо. Потом лабал по ресторанам, сильно пил, лечился от алкоголизма, снова пил, а потом и вовсе исчез из городской музыкальной орбиты. Но вроде бы жив, потому что кое-кто его изредка видит. Сейчас ему хорошо за шестьдесят и не разучился ли он играть – большой вопрос.

Саша после моего пересказа на всякий случай решил проверить этот вариант, потому что приближалась Декада инвалидов, на которой нам обязательно предстояло хотя бы раз выступить, а гитарист у нас по-прежнему отсутствовал. На поиски много времени не ушло, они подтвердили: Степан Афиногенович Заболотных, 1949 года рождения, проживал по такому-то адресу, а домашний телефон имел такой-то. Телефон Афиногеныча безмолвствовал, Макаров поехал к нему лично и в тот же вечер притащил в каморку бородатого и шамкающего, со вкусным винным перегаром и несколько раздражающим, но вполне терпимым запахом несвежести старичка, который долго тряс наши с барабанщиком Лёшей ладони, лез обниматься (отчего я и прознал про его бороду) и вообще выражал самую полную и безоговорочную жизнерадостность, на какую способно человеческое существо с возрастом почти в семь десятков лет.

– Пацаны, вот искренне вам скажу, – заявил он, и мне показалось, что даже прижимал при этом ладонь к сердцу, – я именно тот, кто вам нужен. Во-первых, я инвалид – у меня вторая группа. А во-вторых, я просто давным-давно мечтал поиграть в ансамбле. Неимоверно давно! Думал, всё уже, не предоставит судьба такого случая. И тут – вы! Не смотрите, что я старый и выпимший – кстати, это Саша угощал – я сейчас вам сыграю, и вы поймёте, что я ещё не трухлявое бревно.

И он сыграл. И мы поняли, что с дедом всё в порядке. Соло из Блэкмора, Пейджа, Галлахера, Марино – пусть не без ошибок, скорее всего, случайных, вызванных отсутствием постоянной практики – прозвучали убедительно и весома. Мы даже поаплодировали Афиногенычу – и вовсе не из уважения к его сединам, а впечатлённые мастерством. Потом выпили винца для знакомства, и Саша несколько задумчиво произнёс:

– Марино – это здорово. Но надо чего-нибудь попроще разучить. Отечественного разлива. Хоть из «Машины времени», например. Публика у нас непритязательная.

Он немного стеснялся говорить об этом – я чувствовал. Вроде как мы тут дети рок-н-ролла и свободы, а он нам навязывает некие рамки, против которых мы можем взбунтоваться.

– Сашка, друг, да хоть из Валентины Легкоступовой! – тут же горячо ответил на его сомнения Афиногеныч. – Ты только кивни – а мы исполним!

Могучий старикан как нельзя лучше передал наши – и мои лично – мысли по этому поводу. Какая на фиг разница, что мы будем играть?! Разве в этом вообще дело? Просто мы

благодарны Саше Макарову, живому и пульсирующему человеку за то, что он выудил нас из собственных чёрных ям, объединил какой-то целью и смыслом, заронил в нас потерянные искры и вложил утраченные эмоции. Только ради этого стоило создавать ансамбль.

От наплыва больших и огненных эмоций, вырвавшихся из глубин зачерствевшей души, я, практически непьющий человек, надрался в тот вечер дешёвого вина (которого и было-то вроде совсем немного) так, что в такси меня пришлось грузить. Саша, и ранее не ленившийся привозить и отвозить меня, дотащил непослушное тело до квартиры и передал его матери, как-то спокойно и убедительно попросив её не расстраиваться и не ругать сына, что она неожиданно для меня в полном объёме исполнила.

– Звонили из управления культуры, – объявил Макаров через пару дней. – Сама начальница, Звонарёва. Просила, точнее, настаивала, чтобы мы выступили на Дне открытых дверей в «Тройке». Говорит, все мои заняты, некого послать, а у вас готовый ансамбль. И слушать не желала, что мы не сыгранные. Отрабатывайте каморку! Даже не знаю, что делать. Врёт, наверное, про своих. Не может быть такого, чтобы все заняты.

– Подожди-ка, «Тройка» – это что такое? – спросил я.

– Колония, что ещё! – пояснил шамкающим ртом Афиногеныч. – Почему бы не сыграть? И в аду расцветают лилии.

Про колонию за номером «три», что базировалась где-то в промышленной зоне города и была своего рода достопримечательностью Травяновольска, я, конечно же, слышал. Порой едешь с матерью в автобусе, а какой-нибудь пьяный пассажир орёт на билетёршу во всё горло: «Какие деньги, я только с „Тройки“ откинулся!» В ресторанах тоже эту цифру любили все упоминать. Колония строгого режима, отсидишь там лет пять – и ты крут, как склон Джомолунгмы. Если туберкулёз не свалит. Бандитская романтика.

– И что, там День открытых дверей проводится? – продолжал я недоумевать. – Любой желающий может придти?

– Ну, не любой, – пояснил опытный Афиногеныч. – Это для родственников. Ездил я как-то к племяннику в Курганскую область на такой День. Он сейчас большой начальник – в Тюмени живёт.

– Там у них что-то вроде Сабантуя будет, – рассказал Саша. – Перетягивание каната, прыжки в мешках. А потом концерт в актовом зале. По мне – так нормальное место. Какая нам разница, где выступать?

Лёша Удачин молчаливо согласился с мнением старших товарищей. За мной оставалось последнее слово. Не, ну так мне и вовсе без разницы, где дебютировать, я с зэками и в ресторанах наобщался вдоволь. Естественно, я не возражал.

Но высказался по другому поводу:

– Нам вокалист нужен нормальный, – эта мысль уже давно вертелась в голове. – Или вокалистка. Если мы не дурака валять собрались, а что-то настоящее делать, серьёзное, то надо искать человека.

Ещё я хотел добавить, что нынешний вокал никуда не годится, но постеснялся задеть Сашины чувства. До настоящего времени за вокал у нас отвечали двое – я и он. Точнее, он и я, потому что большинство вещей исполнял Саша, какие-то я. Иногда пели вместе. Мне мой голос в принципе не нравился, какой-никакой слух у меня есть, и я могу отличить конфетку от кашки. Макаров пел лучше, но голос у него был не поставленный, сырой. Для школьной панк-группы годится, для приличного ансамбля – нет. Я понимал, что никто с нас спрашивать не будет, и оценки выставлять не станет, и деньги платить – но душе хотелось недостижимого идеала. Наверное, я был никчемным и неуместным перфекционистом, который везде и не вовремя вставляет свои пять копеек.

– Да, не помешал бы хороший певец, – поддержал меня справедливый Афиногеныч. – Хуже не будет.

– У тебя есть кандидаты? – спросил Саша, который даже не пытался спорить и настаивать на красоте своего вокала.

– Да в общем-то нет... Если только Зине предложить.

– А, это та певица, в которую ты тайно влюблён! – воскликнул он вдруг артистично. Словно погрузился в некий образ и давал всем понять, что вещает не он, а тот самый персонаж из образа. И вроде бы не хотел обидеть, а получилось колко и двусмысленно.

Клянусь богом, я никогда и никому не рассказывал о своих чувствах к Зине! Да и не было никаких чувств – кто я и кто она. Пусть мы вместе выступаем, но на самом деле находимся в разных измерениях. И нет ни единой точки, в которых они пересекаются.

– Не согласится она, – тут же добавил Саша. – К тому же концерт в колонии, риску её подвергать...

Тут же в голове короткой вспышкой мелькнула порнокартинка – толпа разгорячённых зэков бегают за бедной Зиной и срывает с неё одежду. Картинка, как ни странно, возбуждала.

– Да не, какой риск, – шамкнул Афиногеныч. – Там строго. Зэкам и приблизиться не дадут. Это кто вообще такая, Зина?

– Можно попробовать, – ответил я Саше. – Она нестандартная и рискованная. Она классная.

– Ты влюблён в неё, – тихо и задумчиво, словно нас никто не слышал, произнёс Саша. – Ты безнадежно влюблён...

И голос его был таким понимающим, таким вкрадчивым и тёплым, что хотелось прилечь к нему на колени и безропотно ждать, когда он соблаговолит погладить тебя по голове.

Да, я влюблён... И сам не знаю, в кого.

– Зина! – звонил я по сотовому.

И тут же, торопясь упустить смелое вдохновение, выпалил:

– Привет! Мы создали ансамбль, называется «Слепые», это очень круто. Там классные музыканты. У нас скоро первый концерт – в «Тройке», это колония строгого режима. Нам нужна вокалистка, соглашайся. Это будет адский перфоманс!

Была пауза. Она показалась мне невероятно долгой. Мучительной. Я ждал чего угодно – смеха, язвительного отказа, холодного укора с советом обратиться в психиатрическую лечебницу, просто сигнала отбоя.

– Адский, говоришь? – переспросила она иронично. – И где же вы репетируете?

Это означало – да.

Она однозначно классная. Я вот ещё поднаберусь храбрости – и предложу ей выйти за себя замуж. Чем не адский перфоманс?

Зина Коромыслова пришла на репетицию на следующий день, очень всем понравилась, всех обаяла и без раскочки включилась в процесс. Они обменялись с Сашей интеллигентными рукопожатиями, он задержал её ладонь в своей чуть больше необходимой для приличия секунды, и она в ответ вынуждена была взглянуть на него пристальнее и проникновеннее. Таким же взглядом одаривал её и он. Ничего этого, разумеется, я не видел, но клянусь, что именно так всё и было. Потому что не могло быть иначе.

– Зинаида! – тут же поспешил предупредить её Макаров. – Первый наш концерт состоится в колонии и если вы не готовы к этому моральному испытанию, все мы поймём.

– Ой, блин, да была я в колонии! – отозвалась небрежно Зина. – У меня брат там чалится. Вторая ходка. Русских баб тюрьмами не испугаешь.

И я вдруг понял, почему у Зины никак не получалось оторваться от гнойной почвы и воспарить в творческое поднебесье. Потому что происхождение не пускало. Она сама умная

и талантливая, а вокруг определённая среда, и она её часть – а человек социальное существо и живёт слоями. Оторваться от своего слоя и переместиться в другой невероятно сложно. Одной силы воли недостаточно. Именно по той же причине из меня не мог получиться чисто-плюй-пианист в смокинге – потому что по происхождению и менталитету я люмпен-пролетарий.

– Большой начальник? Не из Тюмени случайно?

Это Саша так шутил. На него находила иногда циничная волна, и он мог быть в такие моменты очень едким. Правда, он никогда и никому не желал зла – физически не мог.

– Кто, брат?! – воскликнула Зина и тут же задорно рассмеялась. Вслед за ней и Афиногеныч, тоже оценивший шутку Макарова, исполнил партию старческого беззубого хохота. Я расслышал, что и Лёша Удачин деликатно хохотнул пару раз. Да и сам я не смог не сдержать смеха.

– Блин, парни! – сумела сквозь смех выдать Коромыслова. – У вас тут приколы какие-то свои хитрые, непонятные. Чувствую, мы сработаемся!

С её приходом пришлось пересмотреть репертуар. Как ни странно, она отклонила моё предложение петь «Но редорьян» и «Мани, мани», с которыми так здорово показывала себя в «Роботе Вертере»

– По-моему, у этого ансамбля несколько другой формат, – заметила Зина.

А вот на совместную идею Макарова и Афиногеныча включить песни Пугачёвой, Ротару и группы «Виагра» отреагировала самым положительным образом.

– Слушайте-ка, ребзя! – рассуждала она. – Раз первый концерт в колонии, надо сдвинуться в сторону шансона. Почему бы не спеть что-нибудь из Круга или даже из ансамбля «Воровайки»?

– Ты будешь петь Круга? – по всей видимости, таким образом я пытался её урезонить.

Хотя не спорю, идея лабать шансон по-своему привлекала. Даже воспламеняла! Вот откуда в русских людях эта любовь к уголовщине?

– Да, солнышко моё, – отвечала она. – Я буду петь Круга. У настоящего искусства нет границ.

До концерта в «Тройке» оставалось четыре дня. Точное время, отпущенное нам на представление в колонии, никто не знал. Исходили из того, что потребуется играть минут сорок. Максимум – час. В целом репертуар вырисовывался. Лично мне и вовсе практически ничего разучивать не приходилось – песни Пугачёвой и Ротару я отлично знал по ресторанной работе.

– Вот смотрите, – Саша Макаров принёс на одну из самых последних репетиций листок бумаги с текстом. – Мне всё покоя не давало «Летнее вино» Синатры. Хорошая песня. Я тут попытался набросать для неё русский текст. Получился самый настоящий шансон. Может, разучим?

Я даже просиял в глубине души – Саша НАШ, громы небесный, он НАШ! Нет, чёрт возьми, он МОЙ. Мы с ним одной крови!

Мне почему-то даже в голову не приходило, что эту песню можно переложить на русский. Впрочем, как это могло придти ко мне, параноику-лузеру? Я мыслю узко, хотя инвалиды чутки к искусству – физический недостаток почему-то в первую очередь влияет на творческие симптомы. По большому счёту, всё искусство – обитель инвалидов или как минимум неполноценных людей.

В Сашиной версии «Летнее вино» превратилось в «Волшебное вино». Получилась история картёжника-каталы, которого соблазняла и обчищала ветренная и любвеобильная бабёнка. По большому счёту, никаких принципиальных отличий от американского варианта, и это хорошо. Текст нам очень понравился.

Начиналась песня так:

*– Катал я с детства, пели звёзды в вышине,
И дама пик всегда подмигивала мне.
И вот она пришла ко мне средь бела дня,
Сказала: «Будь со мной, и я налью вина.
О-о-о-о-о, пей до дна!»*

Этот куплет исполнял Саша. О том, что мы с Зиной многократно и порой на бис лабали эту песню в «Роботе», почему-то никто не вспомнил, даже Коромыслова. Я тоже не настаивал на исполнении – с приходом в ансамбль Зиной я и вовсе был освобождён от вокальных обязанностей – к собственной радости.

Затем начинался чувственный женский вокал:

*Моё волшебное вино из алых роз
В нём солнца свет, игра теней и искры грёз.
Позволь мне ласку дать тебе и чары сна,
И я налью в бокал волшебного вина
О-о-о-о-о, пей до дна!*

В следующем куплете Саша рассказывал о дальнейших перипетиях мимолётной и случайной связи:

*Очнулся утром – голова горит в огне
Лишь карта дама пик лежит на простыне.
И денег ноль, но только мысль бурлит одна:
«Ещё, ещё хочу волшебного вина!»
О-о-о-о-о, пей до дна!*

Снова вступала с припевом Зина. Последнюю фразу «О-о-о-о-о, пей до дна!», превращавшуюся в код, они исполняли на пару несколько раз. К моему удивлению, у них сразу же получился интересный дуэт. Вот мы репетировали песни день, другой – и с каждым разом они спевались всё точнее и ярче. Сашины вокальные возможности по сравнению с Зиной были пшиком и комариным бормотанием, но она отнеслась к нему с неожиданной симпатией.

И, пожалуй, я знаю почему: пел он в целом неважно, но тембр голоса был настолько нестандартный и притягательный, что невольно зачаровывал. Именно голосом он и меня поразили – и я только потом, спустя некоторое время, а может лишь по завершении всей череды событий, понял причину собственной к Саше симпатии.

Но голос не существует сам по себе, за ним стоит человек, живёт душа – он отражение внутреннего мира. Зину, как и меня, привлекла сущность Макарова – интересная, нестандартная, бурлящая. Для её творческой натуры такой мужчина был просто находкой. Она поправляла его порой, делала какие-то замечания – но очень мягко и тактично. Они явно нравились друг другу.

Последней вещью, которую мы успели разучить перед дебютным концертом, оказался романс черепахи Тортиллы из детского фильма «Золотой ключик». Её в последний момент предложила включить сама Зина. Должен сказать, она очень здорово легла на её голос и на весь наш репертуар – текст там самый что ни на есть шансонный:

*Затянулась бурой тиной
Гладь старинного пруда.
Ах, была как Буратино
Я когда-то молода.
Был беспечным и наивным
Черпахи юной взгляд,
Всё вокруг казалось дивным
Триста лет тому назад.*

День открытых дверей в колонии был намечен на последнюю субботу сентября. Саша попросил из городского управления культуры звукооператора и ещё двух-трёх парней на подмогу – таскать аппаратуру. Там обещали помочь – к счастью, у них имелась пара летучих бригад, которые постоянно работали на городских мероприятиях. Автобус из управления выделить не смогли, но клятвенно заверили, что его предоставит нам администрация колонии.

Намеченный день наступил. Мы собрались с утра в каморке. Саша раздал всем чёрные очки, которые в последний момент, поздним вечером предыдущего дня, где-то купил, для чего пришлось обежать несколько торговых центров. Кто в сентябре торгует солнцезащитными очками? Этот элемент имиджа мы ввели по моему предложению. Раз «Слепые», значит, должны быть в чёрных очках. Иначе за незрячих не сойдём, тем более что только я соответствовал в полной мере названию ансамбля.

Концертные костюмы мы тоже обсуждали заранее и сошлись на том, что за неимением средств чего-то такого оригинального приобрести не сможем, а потому лучший выход из ситуации – надеть обыкновенные строгие костюмы с галстуком. Они, как ни странно, нашлись у всех, даже у меня. Зине предоставили свободу выбора, ограничив её лишь в цветовых гаммах – что-то чёрное или тёмно-серое, чтобы не выделяться на фоне остальных. Она, как я потом узнал, именно чёрное платье и надела. В общем, все были такие строгие, даже траурные, в чёрных очках – но зато со светлыми мыслями. То ли оттого, что концерт предстояло провести в колонии, то ли просто потому, что наконец-то наша совершенно случайно созданная группа выходила в свет, все заметно волновались, но готовились показать себя с лучшей стороны. Да и вообще ощущения были, как ни странно, самые что ни на есть праздничные, и лично меня давно уже не посещали такие позитивные ожидания.

Я волновался ещё и потому, что не был уверен в обещаниях управления культуры по поводу звукооператора и грузчиков. Я совсем не дистрофик и поднять колонку мне не в тягость, но тащить её и при этом ориентироваться в пространстве – вот это неразрешимая задача. А ещё у нас в ансамбле девушка и сердечник-барабанщик, которому за тяжести вообще нельзя братья. Пришлось бы взваливать всё на себя Саше и Афиногенычу, в здоровье которого тоже уверенности не было.

К счастью, управление не подкачало и парни вскоре подошли. Правда, не трое, как мы ожидали, а двое. Один из них действительно был звукооператором, а другой – на подмоге. Звукарь тоже перетаскивал тяжести. Он несколько раз громко хмыкнул при виде нашей – точнее, детскотворческой аппаратуры – и вслух обменялся с товарищем уничижительными комментариями по поводу её возраста и качества. Он и нас поддеть пытался задорными фразами, типа «Ну вы и дрова себе нашли!», но никто из нас на провокацию не отреагировал – да и с какой стати? Не мы её приобретаем, не нам она принадлежит.

Всё это время вокруг нас вертелся обеспокоенный директор Дома детского творчества, предпенсионного возраста дядька Алексей Николаевич, который вызвался сопровождать нас в поездке. Ему сверху приказали выделить аппаратуру на концерт, но сама мысль о том, что

она отправится в колонию, вызывала у него панику. Он почему-то был уверен, что оттуда она не вернётся, а если и вернётся – то поломанной и испохабленной.

К десяти утра из колонии подъехал автобус. Его вид вновь вызвал возгласы разочарования наших носильщиков и даже какое-то недовольное пыхтение некоторых участников ансамбля.

– Ха, приколись, «КВЗ» прислали! – радостно объявил один из засланных управлением культуры казачков другому. – Таких древних автобусов я лет десять не видел. Ещё на ходу, смотри-ка ты!

Аббревиатура «КВЗ» мне мало о чём говорила. В те краткие годы детства, когда зрение было ещё со мной, никакого внимания на автобусы я не обращал и в моей памяти все они запечатлелись примерно под одним обликом – серой и скрипящей коробочки. Сказать по правде, слепые обладают большим преимуществом перед зрячими – они оценивают окружающий мир со всеми его изобретениями не по внешнему виду, а по функциональной полезности. Какая разница, «КВЗ» это или что-то другое, стыдно на нём ехать по городу или нет – главное, что он привезёт тебя в нужное место.

Мы довольно живо перетаскали аппаратуру в автобус, и я по мере сил помогал ребятам. За рулём выдавшего вида транспортного средства оказался зэк, обитатель колонии – как-то сразу и без дополнительных вопросов это определил Афиногеныч, присевший поближе к водителю.

– Много тебе осталось? – слышал я их разговор.

– Меньше года.

– Жена, дети?

– Да, жена ждёт с сыном. В Вологодской области они.

– А-а, бывал, бывал...

Ехали недолго. Потом так же живо разгрузились. Зато на территорию колонии проходили долго и медленно – всех подвергли полному досмотру.

– Молодой человек, обувь снимаем! – гремел над головой женский голос, обладательница его представлялась гигантской фурией с перепончатыми крыльями и клыками. – Молодой человек, к вам обращаюсь! – принялась трясти она меня за плечо.

– Он не видит, аккуратнее! – осадил её Саша.

Я торопливо принялся стаскивать с себя ботинки.

Этот унижительный досмотр почти поверг всех в уныние, особенно наших сопровождающих лиц, но жизнерадостный Саша парой незатейливых шуток перевёл ситуацию в приключенческий анекдот – и вот уже со всех сторон зазвучали скабрёзные шутки о свежести носков и необходимости особо тщательно проверить Зину.

– Обожжётесь! – отреагировала она так же весело, обращаясь то ли к сотруднице исправительного учреждения, то ли к похотливым мужчинам. – У меня там горячо.

Шутка вызвала очередной прилив веселья и даже что-то вроде аплодисментов. Фурия расслабилась, сменила тональность и вполне дружелюбно пожелала нам удачного концерта.

Нас повели в актовый зал, а к переноске аппаратуры подключили нескольких заключённых. Они выражали нам полное почтение и нетерпение в ожидании концерта. Вскоре мы уже настраивали инструменты. Помещение актового зала, судя по всему, оказалось небольшим, но звук получался всё равно странный – то ли не хватало мощности, то ли просто мы ни разу не слышали, как по-настоящему со сцены звучит наша аппаратура. Как бы то ни было, вскоре инструменты были настроены, а звук отрегулирован.

– Добрый день, дорогие друзья! – объявил в микрофон Макаров.

Зэки скрипели стульями и покашливали.

– Вас приветствует, – продолжал Саша, – вокально-инструментальный ансамбль «Слепые»!

Последовавшая за этим пауза предполагала аплодисменты. И они прозвучали, причём отнюдь не вяло-дежурные, а вполне боевые и энергичные. Мне было интересно, как такая сложная публика отреагирует на наше провокационное название, но судя по реакции, никаких недоумений, а самое главное, неуместной жалости мы у неё не вызвали. Мне даже подумалось, что не стоит недооценивать местный контингент – скорее всего, он принял наше название и чёрные очки на лицах как часть имиджа, а не показатель физической неполноценности. Хотя кто его знает?

– Мы пришли к вам с хорошим настроением, – продолжал изливаться в зал позитив наш лидер, – и надеемся, что оно передастся и вам. Хорошее настроение, хорошие отношения между людьми – это самое главное в жизни. Надо искать и находить дружбу, создавать любовь, как бы тяжело порой ни приходилось. По крайней мере, наш ансамбль придерживается только такой философии. И об этом первая песня. Встречайте, наша вокалистка Зина Коромыслова с композицией «Звенит январская вьюга»!

– Здравствуйте, мужчины! – приветствовала публику при первых звуках песни Зина. – Вы мне нравитесь!

У-у, как эски отреагировали на её бодрый и в высшей степени сексуальный голос! Она умела делать его таким. Я кожей почувствовал тот заряд эмоций, который частично вслух, но большей частью молча был выплеснут в этот момент в атмосферу. Хлопать ей начали ещё на первом куплете, а по окончании песни, которая должна была абсолютно всем прийти по душе – на что мы и рассчитывали – зал разразился просто бурей аплодисментов и одобрительных выкриков.

– Девушка, замуж тебя возьму! – выкрикнул кто-то.

– Спасибо, спасибо, дорогие мужчины! – поблагодарила Зина публику, и я почувствовал в её голосе не просто сексуальность, а какое-то откровенное блядство. Подумалось даже, что порносценка из моей фантазии вполне может воплотиться в реальность.

– Вы такие замечательные, – отвечивала Зина комплименты. – Возвращайтесь скорей на свободу – женщинам вас не хватает!

Следующей вещью шла «Две звезды» – они исполняли её на пару с Сашей. Песня тоже прошла на ура, как и следующая – «Лето любви» из репертуара Розы Рымбаевой.

– Где ты, лето любви, тёплое лето? – вдохновенно пропела Зина и я, вслед за эсками тоже на мгновение призадумался о том, где же потерялась моя любовь и почему я до сих пор живу без неё.

За советско-попсовой вступительной частью последовала собственно шансонная. Саша с подпевками Зины исполнил «Извозчика» Александра Новикова – её, как ни странно, приняли прохладно. А вот на круговского «Кольщика» в чувственном исполнении Коромысловой, придавшей песне вкупе с мускулиным текстом совершенно сюрреалистическое звучание, а затем и наше «Волшебное вино» – за него я волновался особо – уголовнички отреагировали бурно.

– Bravo! Молодцы, инвалиды! – кричали нам из зала.

Ага, значит, не за имидж приняли чёрные очки и название. Ну и ладно, лишь бы нравилось. В общем и целом атмосфера складывалась такой, какой и в ресторане при самом сильном подпитии посетителей редко случалась.

Песня шла за песней – мы порадовали народ «Молодой» Ефрема Амирамова, «Чёрными глазами» (кто её исполняет, я не помню), «Бурой тиной» из «Золотого ключика» и ещё несколькими проникновенными вещами. По-моему, публика искренне расстроилась, когда Саша объявил о завершении концерта.

– Прошу любить и жаловать, Зина Коромыслова! – представил он напоследок ещё раз нашу вокалистку.

– И Саша Макаров! – отреагировала Зина.

– Ансамбль «Слепые»! – выдали они на пару.

Зал безумствовал. Да уж, «Зина Коромыслова и Саша Макаров» – в этом словосочетании было что-то броское.

– Bravo! Бис! – слышались крики. Надо же, зэки тоже знают такие культурные слова.

– Давайте на бис что-нибудь, – объявил нам вполголоса Саша, потому что зэки всё аплодировали и аплодировали и просили пиши духовной, но из-за кулис вышел какой-то мужчина, видимо местный начальник и попытался пресечь это дело:

– Всё, ребят, всё! Пора закругляться! А то чё-то буйные они становятся.

– «Волшебное вино» давай, музыканты! – кричали из зала. – «Волшебное вино»!

Блин, я был искренне растроган этими просьбами!

– Одну песню, товарищ майор! – попросил у начальника Саша.

– Ладно, – согласился тот. – Всего одну.

И мы к большой радости публики, под аплодисменты и одобрительные возгласы, исполнили ещё раз моё любимое «Саммер Уайн», превратившееся в русско-макаровской реальности в «Волшебное вино» – благословенное, желаемое и недоступное.

Матрица открывает щёлку

Хоть я и слепой цуцик, но об окружающем мире определённое представление имею. Я даже фильмы смотрю – точнее, слушаю. Никто, кроме слепого, не оценит во всей полноте и правдивости образ Матрицы, открытый нам знаменитой американской кинотрилогией. Он просто идеально ложится на внутренний мир незрячего. Да, ты покоишься в долбанном коконе, вокруг тьма, это сон, а из тебя высасывает энергию похотливая и всесильная компьютерная система. Она же услужливо предоставляет иллюзию реальности со своим придуманным и лживым миром – голоса, звуки, зыбкая система ценностей и приоритетов. У слепых спайка с Матрицей слабее, мы лишены жестокой благодати лицезреть разноцветные картинки несуществующего мира, которые пугают своей очевидностью и парализуют все органы чувств вместе с остатками воли и свободы. Мы больше понимаем, сильнее чувствуем и – увы! – гораздо тяжелее переживаем переливы этого понимания, за которыми скрывается не только благостная Правда, но и великий Страх.

Я свято верю в Матрицу или её подобие – этот мир может быть подчинён только ей и никак иначе. Я готов смириться с её властью – собственно, я давно смирился с ней и даже не пытаюсь роптать – ибо кто я такой, чтобы желать абсолютной Свободы в мире, законов которого я не понимаю?

Это осознание заключённости в контролируемый кокон на самом деле не приносит никакой печали – наоборот, оно делает меня крепче и спокойнее. И даже Утешительница-надежда отнюдь не утрачена мной: пусть Матрица, пусть рабство и гнёт чужеродного разума, но, в конце концов, – что стоит этой великой системе вернуть мне зрение? Одно дуновение, одно нажатие кнопки – и я снова отдамся во власть разноцветных картинок, очарование которых ещё не забыл, потому что был наделён способностью воспринимать их при рождении.

Мне ничего не надо в этой жизни – ни денег, ни положения в обществе, потому что всё иллюзия и самообман. Я всего лишь хочу снова испытать идиотское счастье видеть цвета и контуры предметов. Пусть их не существует на самом деле, пусть их рождает коварная и жестокая программа, но в них есть великое Утешение. Утешение, которого я был лишён.

Матрица, ты подаришь хотя бы на пару десятилетий эту нелепую, но такую притягательную радость разноцветья? Просто я очень устал от постоянной тьмы.

– Юрка, братела, привет!

Это Костя Симонов, владелец ресторана «Алмаз». Я с ним знаком очень поверхностно, хоть и выступаю регулярно в его шалмане. Он выходец из бандитов, держит себя со всеми запанибрата, много и неуместно шутит, строит из себя бывалого человека со связями, что ненадолго расходится с действительностью, но в принципе человек неплохой. По крайней мере, незлой, да и музыкантов деньгами никогда не обижает. Знакомых он просит называть себя только «Костей» и никак иначе – помнится, он даже что-то вроде обиды изобразил, когда я по всем понятиям вежливости обозвал его Константином Григорьевичем. Что-то не припоминаю, чтобы он хоть раз звонил мне.

– Тут до меня слухи дошли, – сразу начал он с сути дела, – что ты свою группу создал, правильно?

– Ну, не совсем свою, – попытался я объяснить. – Точнее, совсем не свою. С друзьями.

– И типа на «Тройке» концерт уже дал?

– Ну да, было дело.

– Слышь, тут мне такие восторги пересказывают о том концерте – у меня аж слюнки потекли. Уважаемые люди звонят, радуются, тёплые слова говорят. А чё к нам в «Алмаз» с группой не идёшь? Чё, не родные мы что ль тебе? Зазнался, да?

– Да мы же только-только собрались. И потом, как бы наше положение не совсем понятно. Мы ведь с одной стороны от общества инвалидов, а с другой – от управления культуры. На их аппаратуре сидим. Нас для выступлений перед инвалидами, ветеранами планируют. Ну, по школам может.

– Да аппаратура не проблема. Что, в «Алмазе» аппаратуры нет? Юрка, ты давай не юли. Школы там, инвалиды, ветераны – этого у вас никто не отберёт. На утренники, на полднишки – ради бога радуйте школьников с пенсионерами. А вечерком-то чё бы у нас не сыграть, правильно? С оплатой не проблема, даже не думай.

– Ну, надо с ребятами поговорить. В принципе, почему бы и нет?

– Вот давай так решим: не почему бы нет, а обязательно да, ясно? Я вас на следующую субботу планирую. Тем более Шакировой не будет, народ некем радовать. Так что подтягивайтесь. Всё, отбой.

Предложение Симонова выступить в «Алмазе» было воспринято в ансамбле с чутким пониманием. Афиногеныч издал удовлетворительный крик, когда ему сказали, что нам заплатят. Лёша Удачин тоже вздохнул жизнерадостно. Немного помялась Зина, и причина её колебаний была вполне ясна – она как бы переходила к конкурентам, и кое-кто из руководства «Робота Вертера» мог быть этим недоволен – но вслух никаких сомнений не высказала. Вряд ли у неё имелись письменные обязательства перед хозяином «Робота», тем более что владелец заведения проживал то ли в Москве, то ли в Тель-Авиве, а на месте делами заправлял наёмный директор – лысеющий бывший хиппи Вячеслав Александрович (вот этот-то не терпел, чтобы его называли только по имени), перед которым Зина никогда не пасовала. Но косые взгляды и робкие упрёки в свой адрес она теоретически могла получить. Вячеслав Александрович хоть и варился в бандитском котле и зарплату получал от криминальных деятелей, но очень не любил распальцованных братков и всеми силами старался держаться подальше от всякого там шансона и людей его почитающих.

Саша, который тоже вроде как был доволен возможностью творческого развития и денежной за него оплаты, напомнил, что вот-вот нам предстоит дать серию выступлений по всем городским богадельням. Начинать предстояло уже на следующий день – в так называемом Центре помощи семье и детям «Юнона». И мы действительно дали там небольшой – получасовой, или даже короче – концерт, детали которого в моей памяти особо не отложились. Помоему, в актовом зале присутствовало всего человек пятнадцать проблемных мамаш, некоторые с чадами – помнится, они бегали по рядам и пищали. Мы облегчили наш репертуар исключительно до советской эстрады, выкинув шансон, и вроде бы нам даже хлопали – но сугубо из вежливости.

После второго подобного концерта – он состоялся в городском Доме ветеранов перед пенсионерами, которые не могли самостоятельно себя обслуживать, за что и были помещены сюда на довольствие благодарными детьми – Зина заявила, что у неё нет времени на благотворительные выступления и придётся обойтись в этой богоугодной деятельности без неё. Мы отнеслись к её капризу с полным пониманием, на последующих концертах – в школах и ещё каких-то социальных учреждениях – весь вокал взял на себя Саша, а мне вновь предоставили подпевки и отдельные куплеты.

Но на субботнее шоу в ресторан «Алмаз» Зина как ни в чём ни бывало заявила, в чём, собственно, никто не сомневался.

– Скользкая баба, – высказался однако в её адрес, правда не в её присутствии, Афиногеныч, чем вызвал во мне очевидный душевный протест.

– Да ладно тебе, брось! – заступился за неё Саша. – Она хорошая девушка. Просто действительно вся эта обязателька не для неё. Спасибо, что она вообще согласилась петь с нами.

Концерт в «Алмазе» превратился в наш второй после «Тройки» триумф. Аудитория подобралась самая что ни на есть целевая – братки и им сочувствующие с женскими половинками. Правильная эмоция попёрла у нас с самой первой композиции, люди задвигались, заплодировали, шум издавали нужный и соответствующий. Я здесь окончательно понял преимущество Зины перед Наташей Шакировой. По сути, оно заключалось в одном-единственном слове – «талант». Наташа пела так, как поют миллионы, а Зина – по-своему, особенно. Наташа несла ресторанный обыденность и серийность, а Зина – эмоции и чувственность. Даже на уровне того непритязательного репертуара, который по большей части имелся в нашем арсенале, она могла передать такую выразительность, на которую мало кто способен. Удивлял меня и Макаров – его вокал тоже крепчал и приобретал упругую привлекательность.

– Классман! Классман! – то и дело в перерывах между песнями, а порой и во время оных подходил ко мне Костя Симонов и неслабо так хлопал по спине, отчего я даже откашливаться начал.

Нам то и дело подносили рюмки – пару раз я вынужден был отхлебнуть водяры, которую терпеть не мог. Остальные участники ансамбля тоже вроде бы пропускали, потому что чем дальше мы играли, тем Зинин голос становился озорнее, а Саша всё чаще и всё смешнее шутил в микрофон.

Концерт затягивался – мы уже по второму разу исполняли «Две звезды» и романс Тортиллы, а «Волшебное вино» – так и вовсе в четвёртый или пятый. Оно и здесь пошло у нас бронбойным хитом, чем вновь наполнило мою пустую и озлобленную душу крупными удовлетворения.

Официально ресторан работал до часу ночи, но на этот раз всем, включая официантов, пришлось задержаться как минимум до трёх. А после того, как разошлись пошатывающиеся посетители, у нас случилось что-то вроде автепати – пьяюнищий вдрабадан Костя Симонов рассовывал нам по карманам деньги, разливал по рюмашам всё, что попадалось под руку и, хохоча, опережая остальных, торопился опрокинуть живительную влагу в горло.

По перешёптываниям официантов я понял, что сегодня нас посетила немногочисленная, но очень крутая криминальная делегация из областного центра Дивноглядовска – и осталась чрезвычайно довольна проведённым в ресторане вечером, а в особенности музыкальным сопровождением.

– Чуваки! – кричал Костя. – Вы не удивляйтесь, если вас и в область позовут, а то и куда подальше! – он ещё громче и переливчатее засмеялся от собственной шутки. – Вы сегодня всех на уши поставили! Просто всех! Ну а вот эта девушка, – по всей видимости, он схватил за руку Зину и пытался целовать её кисть, чему она вроде бы не сопротивлялась, – эта красавица и морская сирена (надо же, братки тоже умеют быть остроумными и галантными – впрочем, не мне этому удивляться), она вынула из нас сегодня весь ливер вместе с душой, сделала из них какое-то неповторимое блюдо и преподнесла нам же на вертеле! Спасибо вам, богиня!

Далее последовал ещё один поцелуй – и вроде бы в губы. К моей радости Зина будто бы слегка отстранилась – по крайней мере звуки передавали некую смазанность процесса – и не позволила перейти экспансии раздухарившегося ресторатора в порнографическую стадию.

К моему невероятному удивлению, Зина после всей этой кутерьмы вызвалась проводить меня на такси до дома. Позже мне стало казаться, что с восклицаниями «Я Юру домой везу, Юру!» она уцепилась за меня единственно с целью отвязаться от Симонова, да наверняка так оно и было, но тогда уставшим и дезориентированным от алкоголя сознанием мне почудилось, что всё это не просто так, что в её поступке есть какой-то смысл, что за ним стоят определённые мысли и чувства – и самое ужасное, что последовавшие за этим события очевидно-пугающим образом подтвердили мне эту нелепую версию.

Помнится, я знакомил Зину с сонной матерью, которая как обычно вылезла в коридор проверить, что там с дорогим сыночком и не свернули ли ему ещё шею, хотя ключи у меня имелись и открывать дверь я, знаете ли, умел – всё-таки руки на месте. Помнится, мать заговорила с неожиданной гостью отчасти растерянно, а отчасти подобострастно – она, похоже, ещё не потеряла надежду женить меня на «хорошей девушке» и даже предпринимала время от времени практические шаги в этом направлении, то и дело называя имена и адреса каких-то девушек-инвалидок – то слепых, то полулежачих, которые – о, счастье! – согласны «начать со мной отношения». Оба мы понимали, что ни одна здоровая женщина выходить замуж за слепого не согласится, а на инвалидках я с самого начала поставил тяжёлый дубовый крест: мне и собственных страданий достаточно, не хватало ещё погружаться в чужое зыбкое и страшное отчаяние, постоянно жить с ним, быть за него в ответе и при этом понимать, что абсолютно ничего не способен изменить.

– А такси ты отпустила, – вроде как с упрёком заметил я Зине. – Придётся оставлять тебя на ночь.

– Ой, и правда! – как-то чересчур радостно, чем окончательно выбила меня из колеи, воскликнула Зина. – Ну да можно опять вызвать.

– Проходите, проходите! – засуетилась мать. – Место есть, я вам постелю. Куда вы собрались в такую темень?

И Зина, ни слова не говоря, принялась снимать обувь. Господи, как я был благодарен ей в этот момент!

Мать тактично скрылась к себе в комнату, а мы ещё какое-то время посидели на кухне за чаем. Там и начали целоваться. Трудно вспомнить, кто был инициатором – не исключено, что я. Пусть я окончательно прибит к земле своим недугом, но порой и на меня находит безумное поветрие. Сильно безумное. Порой мне страшно своих желаний и фантазий – противореча всему внутреннему миру, я с ужасом думаю, во что бы я превратился, будь у меня два здоровых глаза. Может быть, меня лишили их во благо? Чтобы уберечь от преступлений? Может, всё это – опережающее наказание за несовершенные акты насилия?

Впрочем, я бы никогда не осмелился прикоснуться к Зине, не подай она мне соответствующий сигнал. А сигнал был явный – он так и трубил в моих ушах гимн на побудку, так и будоражил барабанной дробью. Она уселась ко мне на колени, мы всасывались друг в друга, я трогал её за грудь, а она хватала мою руку и направляла к перекрестью ног. Кровь вскипела – я буквально задыхался от нахлынувшего жара.

Прямо на кухне она сделала мне минет. И проглотила выхлестнувшуюся наружу жидкость. Для меня это стало некоторой неожиданностью. Нет, конечно же, я знал, что такое бывает и что некоторые девушки настолько великодушны, что способны на такие широкие жесты по отношению к мужчинам – но чтобы я, чтобы мне...

– Ещё на один раз тебя хватит? – спросила она с улыбкой – я так и почувствовал её в этом добром и понимающем голосе.

– Хватит! – ответил я дубово и слегка испуганно, и вовсе не оттого, что не был уверен в том, что меня хватит, а просто сценарий развивающихся событий был для меня слишком нов и необычен.

Мы пробрались в мою комнату, скинули одежду и сплелись. По-моему, я делал всё правильно. Я не слишком опытен в этом занятии, сама жизнь заставила отодвинуть секс в дальние уголки жизни, но какой-то опыт всё же есть, и я совсем не дикая обезьяна, которую в первый раз пустили на спайку. Меня хватило ещё на полноценный раз – и я уверен, что хватило бы ещё на два или три, лишь бы только Зина пожелала этого.

– У тебя было много женщин? – спросила она позже. Мы засыпали, и этого вопроса я ждал. Тактичная Зина сформулировала это таким благородным и возвышенным образом, но на самом деле, в сути своей, он звучал иначе: «Ты когда-нибудь был с женщиной, инвалидушка?» Нет, я не злюсь на тебя, дорогая моя любовница, я бесконечно благодарен тебе за эту ночь и твоё бескорыстное милосердие, твоё распахнутое тело и чистую открытую душу, и твой вопрос ничуть не покоробил меня. Ты должна разобраться в деталях, должна разобраться во мне – всё-таки наша близость ко многому обязывает, это обмен энергиями, обмен сущностями. Ты имеешь право на все вопросы.

– Нет, не много.

– Какая я по счёту?

– Третья. Или четвёртая. Если тебе интересно, самой первой была слепая девочка по имени Вика – мы учились вместе в интернате. Она была очень доброй и, наверное, очень несчастной, а может мудрой – она позволяла всем мальчикам заниматься с собой сексом. По очереди. Я долго отказывался от её предложений, точнее – от предложений товарищей, потому что дико стыдился всей этой ситуации, но однажды решился. Мне совсем не понравилось, у меня почти не стоял тогда, но главную миссию она выполнила – с тех пор я почувствовал себя мужчиной и немного успокоился.

– Здорово! – хмыкнула Зина, словно отгоняя трагическую и надрывную волну, которую я успел нагнать своими воспоминаниями.

– Ты не думай, – снова сказала она почти тотчас же, – что я с тобой из жалости или что-то в этом духе. Ты мне очень нравишься. Ты самый порядочный человек из всех, кого я знаю. Любая девушка была бы счастлива с тобой.

«Любая, но не я», – почему-то додумал я за Зину фразу, хотя вряд ли она действительно произнесла про себя нечто подобное. Но, по сути, моя фантазийная фраза была верной – не началом же долгой совместной жизни был наш перепихон?

К счастью, усталость и выпитый алкоголь не позволили нам свалиться в колкую и удушливую рефлексию – через считанные минуты мы погрузились в сон. Проснувшись утром, я Зину не застал – мать рассказала, что она уехала едва рассвело.

– Ой, хоть бы всё у вас получилось! – разумеется, испортила всё она, зачем-то добавив это нелепое высказывание. Ну как можно дожить до пенсионного возраста и не научиться разбираться в людях и их отношениях?

На следующую репетицию, куда меня как обычно отвозил Саша Макаров, я направлялся в подавленном и настороженном состоянии. Почему-то казалось, что Зина не придёт. Казалось, что она вообще больше не будет работать с нашим ансамблем. И всё из-за меня. Потому что она непременно застыдится порочной связи с инвалидом, проклянёт себя и меня за эту минутную слабость и замкнётся в своём внутреннем мире. Мне даже виделся суицид с её стороны: перерезанные вены, распластанное на мостовой после падения с балкона тело. Ненароком и Саша добавил переживаний, спросив как бы между прочим:

– Нормально с Зиной доехали?

– А? – встрепенулся я.

– Ну, тогда, из «Алмаза».

– А, нормально, нормально. Она даже ночевать осталась, – зачем-то ляпнул я вдобавок.

– Вот и правильно, – как ни в чём не бывало выдал Саша. – Чего ночью по городу шастать?

Бедный и правильный Саша, он думает, что Зина просто легла на соседнюю тахту, а утром мы как обыкновенные друзья выпили по чашке кофе... Что, если открыться ему? Вот так взять – и выпалить всю правду?

– Она со мной легла, – не сумев сдержать в себе нахлынувший вал мазохистского восторга, брякнул я. – Мы занимались сексом.

– Вона как! – цокнул языком Саша. Скорость и лёгкость, с которой он выдал это междометие, мне не понравились. Точнее, не впечатлили – я ожидал чего-то более глубокого и серьёзного. – А ты время даром не теряешь, молодец! – похвалил он меня с юмором в голосе и шутиливо ткнул кулаком в плечо – и всё это совершенно без фиги в кармане, без скрытого подтекста, словно и в самом деле порадовался моему счастью.

Наверное, в мире здоровых людей делать минет с проглотом – самое обычное дело. Это я своим инвалидским сознанием придаю такому пустяку невиданное значение. Самое удивительное и горькое для меня в этих размышлениях то, что минет с проглотом на ночной кухне действительно может быть самой что ни на есть невинной забавой, которой Коромыслова не придала ни малейшего значения.

Я вдруг понял, что Зина могла делать такие штуки не только мне. А кому ещё? Да кому угодно – директору «Робота Вертера» Вячеславу Александровичу, продюсеру телевизионного проекта «Голос», любому посетителю ресторана, который преподнёс ей щедрые чаевые. Даже Саше Макарову, другу и почти иконе, она тоже могла отсосать – ведь не просто же так они столь органично спелись друг с другом?

Я нащупал на автомобильном сиденье тёплую Сашину руку и пронзительно уставился невидящим взором в его лицо.

– Что с тобой, Юра? – обеспокоенно спросил Саша – видимо лицо моё выражало не самые здоровые переживания.

– Ты тоже с ней спал? – я решил быть прямым, как железнодорожная ветка и сразу разобраться во всех оттенках человеческих отношений.

– Что ты, господи! – воскликнул он с такой искренностью, на какую только способно человеческое существо. – Конечно, нет! Как тебе в голову такое взбрело?

– А кто с ней спал, ты знаешь?

– Да понятия не имею!

– Ну, ты можешь предполагать. Ты же всё видишь, ты можешь заметить того, чего не замечу я.

– Да ничего я не замечал! Она мне не сестра и не бывшая жена – с какой стати я должен отслеживать её мужиков?!

– А-а, значит, мужиков полно.

– Да не знаю я этого, Юра! Ты чего какой надрывный? Твоя Зина – и больше ничья!

Последняя фраза была сказана с иронией – видимо для того, чтобы разбавить нагнанную мной трагичность, но ирония эта резанула меня в самое сердце.

– Перестань так говорить! – его рука была всё ещё в моей, я сжал её так сильно, что Саша сделал невольное движение, чтобы освободиться. Я не позволял ему этого. – У меня двенадцать лет не было девушки, или даже пятнадцать, я сам уже не помню, а тут наконец что-то светлое, настоящее – и тут же все окружающие начинают всё портить! – я понял, что произношу эту тираду со слезами на глазах. Да, я плакал, как ребёнок и мне было наплевать, как это воспримет Саша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.